



Евгений  
Денис

КРАСНИЦКИЙ  
ВАРЮШЕНКОВ

# СОТНИК

Бывших не бывает

Отрок

Евгений Красницкий  
**Сотник. Бывших не бывает**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

**Красницкий Е. С.**

Сотник. Бывших не бывает / Е. С. Красницкий — «Издательство АСТ», 2023 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-157683-7

Он был солдатом Римейской империи – наследницы великого Рима. Воевал всю жизнь, достиг высоких чинов, потерял семью, но случилась последняя для него битва, и увечье перечеркнуло всю прежнюю жизнь. Теперь он иеромонах, волею судеб заброшенный далеко от родины – в глухой уголок Руси. В глухой её уголок. И в этой глуши творятся дела, потенциально способные повлиять на всю ойкумену. И ему надлежит встроиться в эти события. Вот только как понять – благо это или зло, Бог или враг рода человеческого направляет руку тех, кто встретился на пути – от приближённых туровского епископа до мальчишки-сотника и мужика-обозника? На чьей стороне сражаться отцу Меркурию – бывшему солдату Макарию? Впрочем, почему бывшему? Бывших не бывает...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157683-7

© Красницкий Е. С., 2023  
© Издательство АСТ, 2023

# Содержание

Вместо пролога	6
Часть 1	32
Глава 1	32
Глава 2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Евгений Сергеевич Красницкий,  
Денис Евгеньевич Варюшенков  
Сотник. Бывших не бывает**

© Евгений Красницкий, 2023

© Денис Варюшенков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023



## Вместо пролога Солдат, не спрашивай. зачем...



Неяркое осеннее солнце скупно дарило последнее тепло городу Архангельску – стольному граду Великого княжества Росского и Поморского. Молодой город в своей высокомерной суете удачливого юноши не замечал последней солнечной ласки. Скоро зарядят дожди, а потом и зима – ну и что? Спеши жить, спеши создавать, и воздастся тебе, а старость и смерть – когда они ещё будут?

Но не всех в городе захватила деловая суета. В келье архиепископского подворья у окна, выходящего на залив, за столом сидел человек. Он был стар, почти дряхл, но даже сейчас в стоящем на закате своей жизни монахе внимательный наблюдатель увидел бы бывшего воина. Перед ним на столе лежала открытая тетрадь в кожаном переплёте. Глядя на покрытый парусами залив, монах шёпотом проговаривал то, что сейчас положил на бумагу.

*«Так как же начинался мой путь? Нет, не мой – наш! Сейчас, на самом его завершении, я чётко понимаю, что эту дорогу мы ломали вместе. Мы все: я многогрешный, великий князь Михаил, адмиралос Георгий, его ученик и княжеский крестник адмиралос Василий, зодчий Кондратий, domestик схол – великий воевода Дмитрий, мастера Тимофей и Косьма<sup>1</sup>, великий посадник Дамиан<sup>2</sup> и иные прочие... Иных уже нет с нами, на их место пришли другие; иные, как я, стоят на пороге своей земной жизни, и скоро этот путь продолжится без нас... У пути нет конца, но для каждого вступившего на него есть начало, первый шаг... А где же был мой?»*

*Поливот... Да, Поливот! Триумф нашего оружия, триумф Варды Вурца и Камицы, последняя победоносная война базилевса Алексея... Только для меня это кончилось плохо. Впрочем, не ропщи на судьбу, солдат. Это могло случиться в любой момент. Если взял меч и щит, будь готов к смерти и увечью. Мне слишком долго везло, так не могло продолжаться бесконечно».*

---

<sup>1</sup> Косьма – церковнославянская и греческая форма имени Кузьма.

<sup>2</sup> Дамиан – церковнославянская и греческая форма имени Демьян. Здесь имеются в виду Демьян и Кузьма Лисовины – двоюродные братья главного героя циклов «Отрок» и «Сотник» Михаила Лисовина.

Последний поход в жизни императора Алексея Комнина начинался хорошо, да и закончился он для империи очень неплохо. Турок разбили при Ампуке. Враг без боя сдал крепость Кедрея. Султан Пухей и его варвары бежали перед победоносным войском империи, как трусливые шакалы, а ведь о стены Кедреи ромеи могли хорошо обломать зубы. Но турки сделали ноги. Началось преследование. Никто под страхом смерти не смел брать добычу, не мог покинуть рядов. Ночной марш на пределе сил, когда отставших не ждали. Люди и лошади падали замертво от усталости, но варваров догнали и застали врасплох. Пехота ударила по лагерю в лоб, а конница охватила с флангов. Началась резня, и меньше чем через час всё было кончено. Уцелевшие турки бежали, никто их не преследовал – не было сил. Солдаты падали прямо в страшную грязь смертного поля – жуткую смесь размолотой ногами и копытами земли, крови, мочи и той мерзкой жидкости, что сочится из распоротых кишок. Люди засыпали прямо в этом месиве, положив голову на труп врага или товарища – невозможно было понять, живой или мёртвый лежит перед тобой. Такое бесполезно рассказывать тому, кто не был в бою сам.

Утром солдат поднимали палками. А как сумели сохранить своих коней катафракты и конные лучники – знали только они сами. Отдыхать было некогда, мера Камицы так и оставалась в авангарде. Шла настоящая загонная охота, варваров вытесняли на равнину возле Поливота. Урока, полученного при Ампуке конийскому султану Малик-шаху и его подручным оказалось мало. Турки потерпели поражение, но сдаваться не собирались. Солдаты неделями не снимали доспехов, не знали отдыха. Лёгкая конница противника не давала покоя наступающим колоннам, а в довершение всего турки сожгли все посевы и забили падалью колодцы.

*«Адские муки, пекло... Не знаю, испугают ли они меня теперь? В то лето все мы испытывали их на своей шкуре. Запах гари, хруст смешанного с пеплом песка на зубах, предел мечтаний – глоток вонючей воды из взятого с боем колодца. И стрелы, стрелы, стрелы... Лёгкая конница варваров не принимала боя: лишь осыпала издали стрелами. Наши конные лучники метались взад и вперёд вдоль колонны, отгоняя их, а пехоте и катафрактам оставалось только теснее сжимать строй, охраняя обоз. Ветер крутил смерчи из пепла, а солнце, такое ласковое и доброе дома, стремилось сжечь то, что пощадил огонь.*

*Вонь, боль, смерть... За годы службы солдаты натирают доспехами роговые мозоли, но тогда не выдерживали и они. Железо безжалостно вжимало пропитанные солью поддоспешники в открытые гноящиеся язвы. Кто-то падал убитый безжалостным солнцем, кого-то находила стрела, кого-то жизнь покидала на обочине дороги, исходя из иссохшего тела кровавым поносом. Но мы шли вперёд, шли через ад.*

*Чего мы хотели тогда – отплатить за Маницикерт, вернуть имперские земли, стереть с лица земли варваров-магометан, освободить единоверцев или просто отомстить за погибших товарищей? Да всё вместе! Но больше всего мы хотели пить, есть и спать! Только пока не сломан хребет варваров, отдыха не будет – это все тоже хорошо понимали.*

*Вуриц тогда крепко вляпался, впрочем, не по своей вине. Как я узнал потом, базилевс нарочно подсунил варварам меры его и Камицы как приманку. Эти немые иконийские задницы не могли долго терпеть то, что Варда Вуриц продельывал с их землями. Да и сам дука знал, что встреча с главными силами варваров неизбежна, иначе он не потащил бы с собой в набег пехоту. Итог закономерен: мы столкнулись с ними лоб в лоб. Разведка сработала хорошо, нам хватило времени не спеша развернуться в боевой порядок.*

*Байраки, по своему обыкновению, стояли, как шлюхин забор<sup>3</sup>, вот только тех, кто обманулся бы их неряшливым построением, в живых давно уже не осталось. Эти почти бездоспешные оборванцы были страшны своим натиском, ловкостью и презрением к смерти. Как мягкая волна во время шторма дробит несокрушимые каменные волноломы, так и пехота варваров могла разносить в пыль железные фаланги таксиархий, стоило стратигам допустить*

<sup>3</sup> В Российской армии данный способ построения принято описывать идиомой «как бык поссал».

малейшую ошибку. Истинно визжа, налетали они на строй, одни с невероятной ловкостью старались протиснуться между сариссами, другие умело били остриями своих длинных пик в лица бойцов первого ряда, третьи змеями проползали под ногами и пускали в ход клычи и скимитары. А когда на флангу наваливались ещё и спахи, становилось совсем кисло.

Войска столкнулись, издав тот ни с чем не сравнимый звук, возникающий, когда две большие массы людей, движимые стремлением поубивать друг друга, наконец-то соприкасаются и приступают к делу, ради которого они оказались на смертном поле. Кто его слышал, тот не забудет до конца дней своих, а кому не довелось, тот никогда не поймёт, какие ощущения он вызывает.

Варварская орда наносила удары то в центр, то по одному, то по другому флангу, мы стояли, а наши катафракты бросались в контратаки. Солнце светило безжалостно, нас теснили. Особенно туго приходилось тогда, когда дука был вынужден отпускать часть катафрактов на водопой и прикрывать водоносов, но выбора не было. Если падут кони тяжелой кавалерии, вся остальная армия долго не выстоит. А если пехота не получит свои бурдюки с водой, то солдаты умрут от жажды прямо в строю, и козлотрахам не придётся даже ничего делать. Мы и так уже не могли ни потеть, ни мочиться. Нечем!

Так продолжалось весь день. Стрелы, удар конницы, пехота, а потом всё повторялось. Грохот сталкивающихся щитов, треск ломающихся копий, чавканье поймавшей железо плоти, топот копыт, лязг оружия, свист стрел, брань, крики, молитвы, стоны, пыль, жара, жажда, и так без конца.

Две стройные некогда линии пехоты превратились, если смотреть на них сверху, в огромную уродливую дельту. Каждая таксиархия зацепилась за какое-нибудь препятствие, которое позволяло сдерживать вражеский натиск и не пропускать противника по дороге, а конница кружила вокруг нас, выбирая момент, когда враг подставится под контрудар.

Солнце ползло по небу как черепаха. Казалось, этот день никогда не кончится. И вдруг атаки прекратились, а со стороны варваров послышался звук рога, зовущего на переговоры. От строя турок отделилась группа богато одетых всадников, несущих скрещенные копьё и зелёную ветвь. С нашей стороны хрипло ответил буксин. Дука Варда Вурц соглашался на переговоры.

До врагов было не меньше четырёх стадий, и я разрешил своим солдатам сесть. «Жаворонки» плюхнулись прямо в липкую вонючую грязь. Она доходила солдатам до щиколотки, так размесили каменно-твёрдую землю солдатские калиги и конские копыта. Плюхнуться-то они плюхнулись, но каждый был готов по первой команде занять место в строю. Щиты на подпорках у левого колена, так чтобы одним движением продеть руку в ляжки, копьё воткнуто в землю остриём вверх рядом с правой рукой, каждая задница на своём месте в ряду.

Водоносы, пользуясь передышкой, как муравьи заспешили к иссохшим таксиархиям и тагам. Вместе с ними шли раненые, которые нашли в себе силы вернуться в строй. Мне уже нечем было затыкать прорехи в рядах. Все пельтасты давно отложили пилумы, взяли копьё и встали в строй, больше обученных драться как тяжёлая пехота у меня не было, да и стрелки понесли тяжёлые потери. Места погибших пращников занимали оруженосцы, благо чуть ли не каждый мальчишка в империи с детства учился крутить пращу, а вот лучников заменять было нечем. Из почти тысячи двухсот солдат, стоявших в рядах «Жаворонков», этим утром на ногах осталось чуть больше половины. Во время предыдущих боёв и стычек мы не понесли больших потерь, но сегодня судьба решила исправить это упущение.

Меж тем группа турок достигла середины ничьей земли и остановилась там. Рог снова протрубил вызов на переговоры. С нашей стороны вновь отозвался буксин, и перед строем «Волчат» два оруженосца установили скрещенные сариссы. Варвары ждали, однако дука не спешил встретиться с ними. В сопровождении своих сильно поредевших ипаспистов он отде-



лился от строя катафрактов и медленно поехал по направлению к нам. Солдатский глаз видит далеко, и я рассмотрел, что главный ублюдок, разряженный как старая илюха, начал терять терпение. Конь под этим вырождением просто плясал из-за того, что всадник без причины дёргал его то уздой, то ипорами.

Я стоял на своём месте под знаменем. Роскошь опустить свою задницу в грязь и дать хоть краткий отдых измученному телу командиру недоступна. «Как хорошо быть таксиархом» – какой идиот это сказал? Вот и сейчас из всех «Жаворонков» на ногах оставались только часовые и я. Дука со свитой медленно приближался. Ветер стих, и знамя империи с ликом Христа Пантократора бессильно повисло вдоль древка. И Вури, и его ипасисты являли собой картину смертельной усталости. Иссечённые щиты и доспехи, окровавленные повязки, корка из пыли, пота и крови на лицах. Им досталось не меньше, чем нам. Сколько раз дука сегодня водил катафрактов в атаку, не мог сказать и он сам.

Я отсалютовал ему мечом. Вури устало ответил мне тем же.

– Не надо церемоний, хилиарх, сейчас не до них, – прохрипел он, спешиваясь. – Давай лучше поговорим.

– Слушаю тебя, светлейший!

– Макарий, оставь все эти титулы палатийским евнухам, а ещё лучше засунь себе в задницу! – раздражённо махнул рукой дука.

– Как скажешь, дука. Может, тогда отойдём в сторону?

Но то, что он хотел сказать, предназначалось не только мне.

– Слушай меня, хилиарх. И твои солдаты пусть тоже слушают. Ты давно понял, что я не просто так засунул всех нас в эту тёмную и вонючую ящину, но вот зачем я это сделал, ты можешь только догадываться. Догадался?

– Мы приманка? – Я в упор взглянул в глаза Вурица.

– Верно! Только рыбка на нас клюнула очень крупная. Я послал с вестями к базилевсу несколько отрядов, кто-то да пробьётся, но, судя по тому, что солнце уже вон где, до наших доберутся только те, кого я послал совсем уж окольными путями. Иначе базилевс с войском уже появился бы здесь.

– Ты думаешь, что прижавшие нас вишивые засранцы об этом не догадываются?

– Догадываются, скорее всего, но, похоже, не обо всём. Иначе они бы не предложили переговоры, – усмехнулся дука. – Они думают, что мы навалили полные штаны и зовём на помощь, а базилевсу придётся либо собирать отряды со всей округи, либо идти нам на выручку с теми, кто будет под рукой.

– А у базилевса под рукой всё войско, и оно готово выступить немедленно?

– Верно! Ублюдки думают, что у них есть время, и не собираются класть слишком много своих. Поэтому и переговоры. А может, собираются показать нам путь к спасению, ведь, по их мнению, мы обречены, и, как только мы сдадимся, они смогут без хлопот занять Поливот и уже там встречать базилевса. Для нас это ничего не меняет. Мы должны стоять тут.

– Значит, будем тянуть время?

– Да, сейчас мы с тобой поедem и послушаем, что нам скажет вон тот магометов вырождение, который уже замучил своего жеребца, и постараемся как можно лучше заморочить ему голову. Думаю, нам это удастся, им тоже нужна передышка, они тоже хотят пить. Скириты докладывали мне, что им до реки ещё дальше, чем нам.

– Почему я? – вопрос вырвался помимо моей воли, хотя я уже знал ответ.

– Ты остался старшим из пехотинцев, хилиарх. Таксиарх Анфимий убит, Лука Заяц тяжело ранен, у хилиархов шестой и седьмой таксиархий нет твоего опыта, а палатийский петушок, которого тебе сосватали в таксиархи, хвала всем святым, остался в лагере базилевса. С этого момента ты командуешь всей пехотой, оплитарх моря! Командиры «Волчат»

и «Сладких девочек» получили на этот счёт письменные приказы, чтобы не вздумали кочевряжиться.

– Слушаюсь! – непроизвольно вытянулся я.

– Не тянись, не на плацу! – хмыкнул мне в лицо Вурц. – Тянутесь мы будем, если выживем. Сейчас ты и твои щитоносцы мой главный козырь. Пока вы колом сидите у турок в заднице, они у нас в руках. Знаю! Вас осталась половина! Я уже приказал травматам выгнать из лазарета всех, кто способен поднять щит и копье. Потерявшие коней катафракты тоже достанутся тебе, по крайней мере у тебя будут люди для задних рядов. Это всё, что я могу для тебя сделать.

– Спасибо, Варда! – Я впервые назвал светлейшего по имени.

– На том свете угольками сочтёмся, Макарий, – улыбнулся дука. – Теперь ты третий в командной цепочке, мерарх Камица принял командование конницей и заменит меня, если со мной что-то случится. Он, как теперь и ты, знает всё. Приказ прост – держаться! Если вас сомнут, кавалерия отступит к обозу и будет обороняться там. Хотелось бы мне и пехоту вытащить туда, но, боюсь, вас раздавят на марше, не те у тебя сейчас бойцы, чтобы прорываться с боем, а на этом холмике среди валунов и трупов вы устроились весьма уютно. Так что будем танцевать прежний танец. Я тебе оставляю несколько своих ипаснистов, они тебе понадобятся.

– Ещё раз спасибо!

– С тебя ещё горсть угольков, Макарий! А теперь поехали, пока этот иконийский петух там на поле не кончил от нетерпения! – расхохотался Вурц и, обернувшись к своим ипаснистам, приказал: – Коня хилиарху!

– Подожди, я должен отдать приказы.

– Валяй, оплитарх, не думаю, что тебе понадобится много времени для этого.

Мне подвели рослого гнедого жеребца. Уже сидя в седле, я послал теперь уже моих ипаснистов к Никанору и Марку, хилиархам «Волчат» и «Сладких девочек». Никанору я приказал оттянуться чуть назад, а Марку усилить свою позицию валом из трупов, раз он до сих пор этого не сделал. Ну и, разумеется, стоять до конца. После моей смерти командовать предстояло Марку. Чудом выживший под копытами спахов кентарх лучников Дамиан получил приказ принять командование над всеми уцелевшими стрелками. На время моего отсутствия командовать «Жаворонками» оставался кентарх первой сотни Афраний.

Ипаснисты устало отсалютовали и отправились развозить мои распоряжения, а наша небольшая кавалькада двинулась на переговоры. Со стороны мы смотрелись довольно неважно. Дука, справа от него я, слева трубач, позади нашей тройки знаменосец – мальчишка из аристо<sup>4</sup>, повзрослевший за сегодняшний день на полтора десятка лет, и пять ипаснистов дуки. Все в изрубленных доспехах, покрытых пылью, кровью и грязью, уставшие, голодные и злые. Зрелище это не очень-то сильно походило на героические выдумки палатийских писак, в которых воины базилевса, сверкая начищенными бронями, сотнями повергают врагов...

В отличие от турок, мы никуда не спешили: каждый миг передышки сейчас стоил дороже, чем тысячи литр золота.

– Я тебе не всё сказал, Макарий, – обратился ко мне дука.

– Я понял это, Варда. То, что ты мне скажешь сейчас, не для солдатских ушей. Попробую угадать: ни один из твоих гонцов мог не пробиться, и теперь ты хочешь отдать мне приказы на этот случай?

– Верно. Ты не зря столько лет натирал подбородок ремнём каски, Макарий. Действительно, мог не добраться ни один, но базилевс предусмотрел и это. Он в любом случае движется завтра после первой стражи. Если так, войско окажется здесь в лучшем случае к

---

<sup>4</sup> Аристо – аристократ.

вечеру, а может, и к утру, что для нас уже слишком поздно. Но, подыхая, мы должны сделать так, чтобы иконийские засранцы не успели поставить укрепленный лагерь. Тогда базилевс придёт и вышибет из них всё дерьмо. Делай что хочешь, Макарий, но сдохнуть до завтрашнего вечера мы не имеем права. Жаль, что мы встретили их раньше, чем хотели.

– Я понял тебя, дука.

– Ничего ты не понял, Макарий! Наши друзья-козлотрахи тащат с собой нечто настолько ценное и громоздкое, что его невозможно пропереть в обход. Им нужна дорога, а на дороге торчим мы. Поэтому они и вызывают нас на переговоры. Ставлю ста-тер против обола, мы сейчас услышим необыкновенно почётные условия сдачи. Мы поймали их со спущенными штанами, Макарий! Даже если мы все сдохнем, они не надолго переживут нас!

– Что ж, это меня утешило, Варда. Напомни, сколько угольков я тебе должен на том свете? – ухмыльнулся я.

– Гамоти Панагиосу!<sup>5</sup> – богохульство дуки могло вогнать в краску лошадь, но не солдата. – Жаль, что я раньше не познакомился с тобой поближе, Макарий! Если нам суждено выжить, клянусь, я исправлю это упущение!

– Всегда к услугам светлейшего! – преувеличенно чётко отсалютовал я.

– Иди в задницу! – махнул рукой дука, и на этой возвышенной ноте наша светская беседа сама собой прекратилась, слишком близко мы подъехали к варварам.

Наступило время переговоров – время врать, пыжиться, запугивать и торговаться.

Мы остановились в шести шагах от турок. Их посольство выглядело куда нарядней нашего. Новехонькие богато украшенные доспехи, чистая одежда из хлопка и шёлка, ухоженные бороды, кони нисийской и арабской породы в богатой сбруе. Особенно ярко сверкал их предводитель – настоящий петух! Мне стало интересно, сам ли это султан почтил нас своим присутствием или нам выпало сомнительное счастье лицезреть кого-то из целой кентурии его сыновей?

– Ты звал меня, я здесь и слушаю, – кивнул султанёнку Вуриц.

– Всемилостивейший, возлюбленный Аллахом, храбрейший из храбрых, доблестный из доблестных, наследник султана царевич Уюб говорит тебе, ромей, назови своё имя! – проблеял на нашем языке жирный как боров евнух-толмач. – Царевич хочет знать, достаточно ли ты знатен, чтобы говорить с ним!

– Скажи царевичу, евнух, что перед ним патрикий империи дука Варда Вуриц. Вам хорошо известно это имя. – Ледяной голос дуки смог бы заморозить ад.

– Царевич приветствует тебя, дука, – проблеял боров.

– Скажи царевичу, что и я приветствую его и хочу знать, о чём он желает говорить со мной. – Вуриц вёл себя нагло.

– Царевич велит тебе повесить свои уши на гвоздь внимания, ромей, ибо сейчас он желает передать тебе слова своего отца, возлюбленного Аллахом потомка Пророка, потрясателя вселенной, меча ислама, благочестивого султана Абдул-Мелика! – Евнух прямо на глазах раздувался от собственной важности.

– И что хочет сказать мне султан? – Дука попытался почесать задницу, но не преуспел.

Султанский выродок посерел от бешенства. Остальные варвары возмущённо загомонили. Вуриц даже бровью не повёл. Дука откровенно наслаждался лёгким ветерком, трепавшим его светлые волосы, доставшиеся ему от матери-норманки. Он вёл себя так, будто явился сюда принять капитуляцию сельджуков. Турки продолжали гомонить и корчить зверские рожи. Наконец султанёнок справился с собой и, прошипев что-то сквозь зубы, заставил свою свиту заткнуться.

---

<sup>5</sup> Гамоти Панагиосу – одно из самых грубых греческих ругательств.

– Ну же, я устал ждать! – И Вури демонстративно зевнул.

– Царевич приказывает тебе быть почтительнее, ромей, если не хочешь, чтобы тебе отрезали язык! – Боров уже не блял, а пищал.

– Мне может приказывать только базилевс! – отчеканил дука. – Что до моего языка, то пусть твой царевич придёт и возьмёт его. А пока пусть говорит то, что велел ему сказать отец.

Турецкий щенок зло кивнул евнуху. Тот набрал полную грудь воздуха, отчего раздулся как жаба, и заголосил торжественным фальцетом:

– Возлюбленный Аллахом потомок Пророка, потрясатель вселенной, меч ислама, защитник веры, покоритель тысячи царств, муж тысячи жён, благочестивый султан Абдул-Мелик говорит тебе, ромей, – ты славно бился. Султан ценит мужество даже в гяуре и потому предлагает тебе спасти свою жизнь и жизни тех, кто идёт за тобой.

– И какова же цена этой милости? – бесцеремонно перебил евнух дука.

– Возлюбленный Аллахом не станет оскорблять твоего мужества предложением сложить оружие, – продолжил блажить толмач. – В безграничной своей милости он предлагает тебе вернуть захваченных тобой подданных султана и их имущество, после чего невозбранно уйти в свои земли. Взамен меч ислама требует от тебя поклясться именем пророка Исы<sup>6</sup>, что ни ты, ни твои воины не поднимут больше меч в этой войне, и тогда благочестивый и милостивый султан позволит вам уйти и забрать с собой всё, что вы сможете увезти на седле или унести на спине.

– Ты слышал слова моего отца, Вури-паша, – неожиданно на ломаном греческом подал голос царевич, – и я советую тебе согласиться. Ты храбр, гяур, но Аллах всегда на стороне правоверных. Ты и твои воины обречены. Спаси себя и их. А ещё лучше – стань на сторону правоверных, произнеси: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его», и тогда отец отдаст под твою руку любой вилайет по твоему выбору. Те воины, что последуют за тобой, получат золото, землю и женщин. Каждый из вас, кто примет истину, станет нам братом и будет в чести у султана. Если же ты отвергнешь милость всемилостивейшего, то вы все будете преданы мечу, а тебя за наглость будет ждать толстый кол, и палач постарается, чтобы ты не умер до тех пор, пока кончик кола не покажется из кончика твоего распущенного языка.

– Не угрожай мне, царевич, – усмехнулся дука. – Пока лучшие твои воины отправились на бой с нами при яйцах, а вернулись без яиц. Поле за нами. Так что твоему отцу следует быть щедрее. И я должен спросить войско.

– Я даю тебе два часа на размышление, что ты выбираешь – жизнь или смерть! – Иконийский петушок откровенно любовался собой. – Иди и подумай. До встречи через два часа на этом месте.

Султанский выродок повернул коня и поскакал в сторону своих. За ним потянулась свита. Последним, держась в седле с изяществом бурдюка с квашеным поносом, трусил жирный толмач.

– Как тебе спектакль, Макарий? – хлопнул меня по плечу дука.

– Годится. Ты за просто так выторговал два часа передышки, а там уже и ночь, – искренне восхитился я.

– Тогда поехали, постараемся провести это время с пользой. Только сначала вот что, – Вури обернулся к одному из ипаснистов. – Аркадий!

Молодой ипаснист протянул дуке небольшой кожаный мех. Варда вытащил затычку и обратился к нам:

---

<sup>6</sup> Пророк Иса – так мусульмане называют Иисуса Христа.

– Давайте выпьем вкруговую, друзья! Здесь нет сейчас светлейших, стратигов и стражиотов, есть только братья по мечу, солдаты, у которых мало шансов пережить завтрашний день.

Я пью за вас, друзья, и желаю вам остаться в живых, а эти поганые козлотрахи пусть сдохнут! – И дука приложился к бурдюку.

Сделав добрый глоток, он передал мне вино. Я с поклоном принял мех, оглядел всех и сказал:

– Будем живы, братья!

В бурдюке из козлиной шкуры было косское вино, крепкое и вкусное. Терпкий аромат наполнил меня, хмель ударил в голову. Жизнь всегда кажется прекрасной, когда её остаётся так мало...

Я наслаждался вкусом, ароматом, самим ощущением жизни, которое оно мне дарило. Тогда я думал, что, скорее всего, это последний глоток вина в моей жизни, но не жалел ни о чём. Я солдат. Как и мой отец, дед, прадед... Все мужчины моего рода в свой черёд брали меч и щит для того, чтобы стояла империя, чтобы сиял Город, чтобы под ветром с Пропонтиды мирно шелестели серебристой листвой оливы, а на холмах паслись кудлатые овцы. Солдат редко умирает в своей постели. Если бы мне суждено было умереть тогда, то я умер бы и за то, чтобы виноградарь с острова Кос спокойно вышел осенью собирать виноград, за то, чтобы молодое вино до срока скрылось в недрах бурдюков и амфор, а когда придёт его время, веселило сердца тех, кто придёт за мной.

Сделав самый долгий в моей жизни глоток, я оторвался от меха и протянул его трубачу. Он принял, кивнул и повторил мою здравицу: «Будем живы, братья!» За ним пришёл черёд старого седого ипасписта. Он расправил усы, улыбнулся чему-то и сказал:

– Помнишь, дука, как мы встретились в первый раз?

– Помню, – грустно улыбнулся Вури.

– И я помню. Тогда я думал, что мне придётся держаться за штаны очередного знатного сопляка, но я ошибся. Ты с первых дней доказал, что ты солдат. И вот уже двадцать лет я прикрываю твою спину. Чёрт возьми, я знаю о тебе больше, чем твоя жена и духовник, вместе взятые! Сегодня или завтра нам, скорее всего, предстоит прищурить задницу, поэтому я хочу, чтобы ты знал: для меня было честью служить тебе. И всё же я хочу жить, поэтому за тебя, дука, за тебя, хилиарх, за вас, парни, за меня и за всех, кто пришёл сюда вместе с нами глотать железо! Будем живы, а если нам суждено сдохнуть, сдохнем так, чтобы магометовы выродки надолго нас запомнили! – Седой ветеран приложился к бурдюку.

– Это была самая длинная и прочувствованная речь, которую я слышал от тебя за двадцать лет, Леон! – рассмеялся Вури, а потом посуровел лицом и продолжил торжественно: – Я тоже хочу, чтобы ты знал, старый друг, все эти двадцать лет я был спокоен за свою спину, потому что знал – её прикрываешь ты. Ты мог уйти, мог сделать карьеру, но ты все эти годы был моей тенью. Твою верность нельзя купить за золото, её можно только заслужить. Спасибо, что счёл меня достойным своей верности, это честь для меня!

Мальчишка-знаменосец слушал разговор старых товарищей широко распахнув глаза и даже приоткрыв рот. Он немало видел и понял сегодня, повзрослел на годы и годы, но сейчас молодой катафракта снова стал тем, кем являлся на самом деле – мальчишкой, попавшим на войну прямо из Магнавры. Когда мех оказался в его руках, он долго не мог найти слов. Наконец, густо покраснев, парень заикаясь сказал:

– З-з-знаете, я д-д-думал, что г-герои н-н-не испытывают с-с-страха, – тут его голос окреп. – Ты назвал меня сегодня юным героем, светлейший, а я боюсь, очень боюсь! И не хочу умирать. Только, наверное, придётся... Может быть, я трус?

– Ты не трус, мальчик, – ласково произнёс Леон. – Мы все боимся, и даже больше тебя. А ты не трус, я бы хотел иметь такого сына!

– Правда? – совсем по-детски спросил юный знаменосец.

– Правда, мальчик, – кивнул Леон.

Глаза мальчишки гордо блеснули. Он вытянулся во весь рост – тростинка, солнечный лучик, наряженный в доспехи:

– Я хочу выпить за жизнь! Ведь мы здесь для того, чтобы жили другие, так, братья?

– Так! – не сговариваясь ответили все.

– За жизнь! – И мальчик поднёс мех к губам.

Тонкая рубиновая струйка прочертила его не знавший прикосновения бритвы подбородок. «Как кровь», – подумалось мне. Бурдюк перешёл к одному из ипаснистов.

– За всех нас! И за тех, кто придёт за нами! Чёрт возьми, за то, что из козлотрахов окончательно вышибут дерьмо, не жалко и помереть, но всё же хотелось бы самому посмотреть, как базилевс это сделает. Вот за это и за жизнь! – солдат запрокинул голову, выливая в себя вино.

– Хорошо сказал, Марк, – улыбнулся его товарищ, в свою очередь принимая мех. – Чтобы мы жили, а они сдохли!

Бурдюк снова сменил хозяина.

– А я выпью за то, чтобы это война была последней, чтобы этим уродам с разбитыми задницами наконец сломали хребет навсегда! Что при этом будет со мной, мне всё равно, а вы живите, братья! – ипаснист резко махнул рукой и приложился к вину.

– У Константина турки вырезали всю семью, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс Леон.

– Да, ублюдки не пощадили никого, они даже не пытались ловить рабов. Просто резали. От уха до уха... – Константин смотрел в сторону варваров колючим, полным ненависти взглядом. – Но ничего, базилевс придёт, и настанет их черёд. Всех. Чтобы и на развод не осталось! До единого! Вот за это я умру с радостью.

– Хватит, Константин! Не зови смерть, сама придёт! Нам нужен будет каждый, кому удастся выжить. За этими ублюдками придут другие. Последних войн не бывает! – не на шутку рассердился дука. – Дай мне слово, что не будешь искать смерти! Поклянись памятью своей семьи!

– Клянусь, дука! И простите меня, братья! – ипаснист смотрел на нас так, будто очнулся от кошмарного сна.

– Прощаем, – ответил за всех Леон.

– Аркадий, скажи что-нибудь повеселее. – Константин протянул мех последнему из ипаснистов.

– Круг замкнулся. – Аркадий с улыбкой взвесил на руке бурдюк. – Я смотрю, дука, вина изрядно убыло с того момента, как я отдал тебе этот мех. Не гневайся, светлейший, ты сам сказал, что сегодня здесь только солдаты, а солдаты любят вино!

– Ну это я по себе знаю! – рассмеялся Вури. – Давай дальше!

– Тогда я хочу выпить за то, что мы любим в жизни: за это вино, за солнце, за ветер, за друзей, за всё! Не знаю, сколько нам осталось, но пока мы живы, это с нами! За то, что любим, братья!

После Аркадия пили уже без здравниц. Просто каждый молча делал глоток и передавал мех товарищу. Слова больше не требовались. Все уже обнажили перед товарищами свою душу, сказали, что хотели. Сейчас мы остались наедине с собой и в то же время вместе. Для того, чтобы говорить, не всегда нужны слова. У любого мужчины хватает приятелей, с которыми хорошо поболтать и распить кувшин вина, но очень мало, а то и вовсе нет друзей, с которыми можно помолчать. На эти короткие мгновения все мы: солдаты и командиры, патришки и простолюдины, старики и юноши, стали такими друзьями. Общая судьба сблизила нас.



*Мех опустел. Жизнь снова вступала в свои права. Предстояло сделать ещё уйму дел. О чём Вуриц не замедлил нам напомнить:*

– Спасибо, что не отказались выпить со мной, друзья, но пора вытащить палец из жопы!<sup>7</sup> Аркадий, твой конь выглядит лучше всего, дуй галопом к нашим и передай приказ – выборным от всех сотен собраться у позиции «Жаворонков». Я хочу, чтобы войско знало, как за дёшево нас пытаются купить.

*Закончив раздавать распоряжения, дука развернул коня и бросил через плечо:*

– Остальные сопровождают меня к позиции «Жаворонков». Макарий, держись поближе. – И дука прищипорил своего жеребца.

*Шпор у меня не было, и я изо всех сил ударил своего жеребца пятками по бокам. Вороной красавец возмущённо всхрапнул и рванулся вслед за белым конём светлейшего. Хоть хилиарху и положен конь, кавалерист из меня неважный, но на то, чтобы догнать дуку и встать с ним стремя к стремени, моего умения хватило. Знаменосец, буксиниц и Леон держались в пяти шагах позади нас.*

– Макарий, вместе со скиритами я пришлю «чеснок» и «сороконожки»<sup>8</sup>. Проследи, чтобы они не забыли как следует отметить места, где они их выставят, чтобы наша кавалерия, контратакуя, не вляпалась в это дерьмо.

– Слушаюсь!

– И позаботься о знамёнах. Они не должны достаться туркам!

– Позабочусь, дука!

– И ещё, постарайся остаться в живых. Если дело будет совсем плохо, сдавайся. Базилевс выкупит тебя за любые деньги. Я позабочусь об этом.

– Спасибо, Варда, но нет. Вся моя жизнь теперь – «Жаворонки», я разделю их судьбу.

– Идиот! Неужели ты не понимаешь, что нужен империи?! Твоя жизнь не принадлежит тебе!

– Понимаю, дука, но я принял решение. Я спасусь или погибну только вместе с «Жаворонками».

– Тогда я приказываю тебе выжить!

– Вряд ли меня сильно расстроит повешение на оглоблях, если я не выполню твой приказ, – усмехнулся я.

– Упрямый осёл, тогда соверши чудо!

– Слушаюсь, светлейший!

*Мы остановились возле расположения «Жаворонков». Начальник обоза Серапион Старый Хомяк явно не стал дожидаться приказа дуки. Лагерная прислуга и обозники, нагруженные сверх всякой меры, сновали везде. Кто-то раздавал оруженосцам огромную охапку запасных копий, кто-то шёл, шатаясь под весом груди бурдюков с вином и водой, кто-то пёр на спине циклопическую корзину с едой. Пехоту направляли водой, едой и снаряжением.*

*Сидя на своих местах, солдаты подкрепляли силы. Немудрящая пища: ячменные лепёшки, сыр, лук и каменно-твёрдая вяленая козлятина. Только вот тому, кто весь день держал строй, она дороже любых яств с палатийских пиров, а главное, впервые за этот день все могли пить вволю. Вода и дешёвое кислое вино – кому что досталось.*

*Не сравнимое ни с чем острое наслаждение – протолкнуть в иссохшее, запёкшееся горло первый глоток, почувствовать, как он катится вниз, как разливается по брюху, а потом пить, пить, пить до тех пор, пока тебя не прошибёт первый за много часов пот. На смену*

---

<sup>7</sup> Вытащить палец из жопы – греческая идиома, обозначающая «заняться делом».

<sup>8</sup> «Чеснок» и «сороконожки» – мины Средних веков. Чеснок представляет собой колючку, состоящую из четырёх шипов, скреплённых так, что в любом положении хотя бы один шип направлен вверх. Сороконожка – крючки на слабо натянутой верёвке, закреплённой к вбитым в землю колышкам.

жажде приходит зверский голод, и ты, как бродячая собака, жрёшь всё, что попало на зубы: колкие от половы ячменные лепёшки становятся слаще медового пирога, вяленая козлятина, по сравнению с которой подошва калиг кажется мягкой, тает во рту, а воюющий овечий сыр превращается в амброзию. Ты весь отдаёшься набиванию брюха до тех пор, пока в нём не стихнет недовольное урчание, а место зияющей пустоты займёт ласковое тепло. Вот тут остановись, солдат! Обожраться нельзя, сумей призвать своё нутро к порядку. Вспомни, как тебя зелёным ещё новобранцем за попытку съесть лишнего до изнеможения гоняли по кругу древками копий ветераны. Они не жалели еды, как ты тогда думал по соплячьей своей глупости, они спасали твою никчёмную ещё жизнь, не давая тебе отяжелеть и опьянеть от жратвы, потерять скорость реакции... Набив брюхо, можно и подремать, привалившись к копыю. Цени эти краткие мгновения сна, солдат! На войне всегда приходится спать, когда можешь, а не когда хочешь. Быть может, тебе повезёт, и краткий чуткий сон унесёт тебя со смертного поля домой. Спи, пока приказ командира или властный зов мочевого пузыря не вырвет тебя из ласковых объятий сновидений...

Вот и «Жаворонки» отозвались на этот зов. Поодиночке, спросив дозволения оставить ряды, выбегали они на ничейную землю и отдавали дань природе. Кто шёл степенно, кто бежал скачками, а декарх Пётр по прозвищу Ослиный Член, как всегда, попытался стяжать славу мима:

– Дозволь оставить ряды, лохаг?! – рявкнул он, как на императорском смотре.

– Валяй, только не утони там, – приоткрыл один глаз Павсаний.

– Благодарю лохага! – Ослиный Член, вытянувшись во весь свой огромный рост, замаршировал в сторону варваров. Отойдя шагов на десять от строя, он встал по стойке смирно, чётко выполнил поворот направо, отсалютовал мечом дуке и всем, кто его окружал. Вури, ухмыляясь, вернул салют. Он явно ждал продолжения. Пётр был известен всему войску своей страстью к непристойным шуткам. Именно благодаря своему чувству юмора Ослиный Член уже пятнадцать лет ходил в декархах, причем, жаловаться ему не стоило, иные попадали на виселицу и за меньшее.

Дука и все остальные не обманулись в своих ожиданиях. Самозванный мим правой рукой вновь выбросил меч в приветствии, а левой одновременно с этим извлёк из штанов свою оглоблю.

В рядах «Жаворонков» уже мало кто спал. Все, затаив дыхание, следили за развитием спектакля. Свита дуки, сам Вури и выборные от войска тоже замерли в ожидании зрелища. А я в который уже раз хотел прибить этого паразита!

Так и стоя с мечом и собственным мужским достоинством наголо, Ослиный Член обратился с речью к своему, покоящемуся в левой руке приятелю:

– Приветствую тебя, дружище! Ты не представляешь, как я рад, что мы до сих пор вместе! Мы многое пережили, часто рисковали собой, но ты, приятель, храбрее меня! Ты куда чаще моего врывался в крепостные ворота! Слава тебе, храбрейший! Надеюсь, завтра вечером мы всё ещё будем вместе! Жаль, что мне нечем сейчас тебя побаловать, так насладись хоть этим, – и Ослиный Член под громкий хохот собравшихся принялся мочиться.

Закончив, он убрал своё хозяйство, вновь отсалютовал Вурицу и промаршировал на своё место. Проходя мимо кентарха своей сотни, этот засранец не приминул демонстративно отклячить задницу, по которой тут же и получил.

– Благодарю тебя, отец мой! Умервляя бренную плоть, ты спасаешь мою бессмертную душу! – начав хохмить, декарх Пётр останавливался с трудом.

– Гамото Христу! – как всегда выразительно рявкнул лохаг Павсаний. – Ослиный Член, я вырву тебе елду и прочищу его через уши твою безмозглую бабку! А потом займусь твоей задницей! И когда я закончу, в неё строем пройдёт тагма катафрактов и протацит с

*собой крепостной таран! После этого то, что от тебя останется, будет до скончания века чистить лагерные отхожие рвы!*

*Все собравшиеся, наблюдая за этим, веселились вовсю. Кое-кто рухнул на четвереньки и слабо повизгивал из грязи, не имея уже сил ржать. Сам дука раскачивался в седле и вытирал выступившие от смеха слёзы.*

*Солдата считают грубым, неотесанным и безнравственным чурбаном, у которого нет ничего святого. На первый взгляд, так и есть. Чего только стоит прозвище, данное седьмой таксиархии – «Сладкие девочки». Этим именем её зовут только в войске, в пергаментных хронистов она значится как «Победоносная». А солдатским прозвищем седьмая обязана своему знамени. На нём вышиты фигуры Богородицы и Марии Магдалины под крестом Спасителя, так повелел несколько сот лет назад базилевс Анастасий. Это и есть сладкие девочки!*

*В войске никого не смущает, что Богородицу и Марию Магдалину зовут кличкой илюх из армейского лупанара. Так называть их могут только христиане, и любой солдат знает почему. Чтобы это понять, надо самому встать в строй, сойтись щит к щиту, отобрать чужую и чуть не потерять свою жизнь. И вот тогда, когда вражеское железо проскрежещет по твоему доспеху, на тонкой грани между жизнью и смертью и вырвется из твоей глотки и чёрное подсердечное проклятье, и жуткое богохульство. После ты поймёшь почему. Это крик твоего тела и твоей солдатской чести. Первое хочет жить, а вторая – победить. Вот они в едином порыве и взывают к Богу, чтобы обратить на себя Его внимание. А раз не доходит молитва, дойдёт чёрная брань, лишь бы заметил и помог! А грех потом отмолим. Господь нас поймёт и простит, ведь мы его беспутные, но любящие дети!*

*Так что напрасно ханжи обвиняют солдат в богохульстве! Им следовало бы помнить, что только благодаря нашим мечам волна магометан и франков до сих пор не захлестнула империю. Что богохульники, пьяницы и развратники в доспехах умирают ради того, чтобы в Патриаршей школе могли спорить о том, сколько ангелов поместится на острие иглы. Нам, честно говоря, глубоко плевать сколько! Для солдата куда важнее, какое древко копья лучше – ясеневое или кизиловое! Мы умираем за то, чтобы другие могли сеять хлеб, давить вино, строить дома и храмы, писать книги, рассуждать о высоком и считать этих чертовых ангелов!*

*Неужели этим книжным червям, никогда не высовывавшим нос из пыльных келий и всю жизнь проводящим в интригах, не понятно, почему солдаты шутят так? Да потому, что иначе сойдёшь с ума! Циничный и грубый юмор встряхивает лучше любой оплеухи и помогает пережить бесконечную муштру, скудную кормёжку, тухлую воду и смерть, всегда стоящую за плечом. Пусть кто-нибудь из них предложит иной способ сохранить здравый рассудок, когда твоему товарищу вражеское копье вошло на два фута в кишки, а на обратном ходе вывернуло их тебе на калиги... Молитва? Нет! Помолимся мы позже, когда придёт время поблагодарить Создателя за то, что он в этот раз отвёл от нас железо, и попросить мужества на следующий бой. Говорят, Господь дарует победу достойному, но все, кроме солдат, забывают, что достойным необходимо стать! И стать достойным можно только самому. Бог за тебя этого делать не будет.*

*Ослиный Член сотворил непристойность? Да как бы не так! Старый декарх вытаскивал своих товарищей из кровавого кошмара. Катаlepsis – этим словом испокон веков обозначают одержимость. Только солдат после боя одержим не бесами из житий святых. Жажда убийства, ослепление кровью, боль от потери, смертельная оупляющая усталость – вот наши демоны! И главный среди них – страх!*

*Фобос и афобия – страх и бесстрашие. Что кроется за этими словами? Страх понятен всем, а вот бесстрашие... Само это слово лишено смысла – в нём только отрицание. Но отрицание явления не может быть его противоположностью. Должно быть что-то другое, сутью своей отрицающее страх.*

*Я долго думал об этом и наконец нашёл. Противоположность страху – любовь! Бог есть любовь! Движимые любовью к отечеству, мы уходим на смерть, движимые любовью к нам, наши жёны и матери с сухими глазами провожают нас в поход и, вручая щит, говорят только: «С ним или на нём!», а сами остаются ждать, ждать, ждать... Нам никогда не понять, чего им стоит не вцепиться в этот момент в сына, мужа, брата, что может быть более противно женскому естеству, чем молча стоять, глядя, как их мужчины уходят на смерть. Как могут они не крикнуть: «Нет! Только не мой! Спасите его!»? Но наши жёны молчат. Своим любящим сердцем понимают они, что солдат должен уходить со спокойной душой, и отпускают нас. В этом высшая форма любви!*

*Какой-нибудь ритор спросит меня: «Так что же общего между возвышенной любовью, о которой ты говоришь, и мерзкой выходкой грубого солдата?» Я мог бы ответить: «Возьми щит и копё, пройди бесконечные стаии военных дорог, взгляни в бою в глаза смерти, и ты сам всё поймешь», но я не стану этого делать. Если хочешь, чтобы тебя поняли, надо разговаривать с собеседником на его языке. Поэтому слушай, мой воображаемый собеседник.*

*Когда бой кончается, первая мысль, которая пробивается в твою голову сквозь боевое безумие: «Я жив!» Вот только радость от этого бывает недолгой. Ты оглядываешь поле и видишь обезображенные трупы товарищей, кровь, вываленные в грязь кишки, серые брызги мозга. Твои уши слышат вопли и стоны раненых, слышат, как они просят воды, плачут, умоляют спасти их или добить... Но страшнее человеческого плач смертельно раненных лошадей, вся вина которых в том, что они доверились своим хозяевам. Не зеленой лицом, ритор! Такого не пишут в книгах, это жизнь. В этот момент солдатом овладевает оупление и чувство вины, любовь не способна пробиться в его сердце, как не способны на это и другие светлые чувства. Мы оставляем их позади, когда звучит команда на построение...*

*Единственным противоядием от оупления и озверения является привычка. Прежде чем ты пойдешь в бой, декархи по капле выдают из тебя мальчишку и сделают солдата. Бесконечные пинки, тумак и придирки – вот жизнь роария. Ты виноват всегда и во всём. Ты всегда хочешь жрать и спать. Но эта безжалостная муштра создаёт привычку преодолевать всё. Но ты ещё не знаешь этого. Ты спишь и видишь, как бы насолить своему мучителю, и тебя не останавливает перспектива быть за это беспощадно выпоротым. Исполосованная плетью спина – малая плата за то, что твой декарх остался в дураках. Ты счастлив.*

*Так же был счастлив двадцать пять лет назад роарий Пётр, сотворив на строевом смотре такую же выходку. Наградой ему была спущенная со спины шкура, перекошенные рожи всех без исключения декархов и прозвище Ослиный Член. А как ржали все остальные новобранцы...*

*В жизни каждого солдата было что-то подобное. Вот о чём напоминал всем Ослиный Член. Теперь ты понял меня, ритор? Грубый солдат пускал в ход привычку и тем освобождал сердца товарищей от боли и оупения, для того, чтобы эту пустоту могла заполнить любовь! Так что засунь свой язык в задницу и иди считай своих ангелов, а на всю оставшуюся жизнь запомни – прежде чем судить, надо узнать!*

*Выборные от войска собрались. Среди них не было новичков, только заслуженные промбахи, декархи и лохаги – цвет и соль войска, его костяк. Иным бы товарищи и не доверили говорить за них. Они стояли в свободных позах и ждали, что скажет им полководец. Все знали, что без нужды ни один стратиг не будет так обращаться к войску. Они не ошибались.*

*Дука поднял руку, привлекая внимание. Буксиниц, повинувшись его жесту, сыграл сигнал «Слушай все!». Головы повернулись в сторону Варды, гомон стих. Несколько мгновений дука молчал, потом набрал в грудь воздуха и начал речь:*

– Слушайте меня, сенаторы!<sup>9</sup> Да, это поле у меня за спиной – ловушка! Но не для нас! Нам на помощь со всем войском идёт базилевс! Надо всего лишь дождаться его! И мы продержимся! Любой ценой и вопреки всему! Сегодня я не призываю вас умереть во славу базилевса, я приказываю – не смейте умирать, пока не подойдет базилевс, а если умрете, не смейте падать! Они не должны пройти! Нам некуда отступить! За нашей спиной земли нет! Слышите меня, сенаторы?!

– Барра! – грохнул в ответ боевой клич. Вурц снова поднял руку.

– Сенаторы, я хочу спросить у вас совета! Иконийский петух предложил мне отдать ему нашу добычу, тогда он выпустит нас с оружием и барахлом. Ещё он сказал, что те, кто согласятся предать империю и обрезать, получают золото, землю и шлюх. Мне же он обещал любую провинцию на выбор. Я знаю, что мне ответить засранцу, но хочу спросить вас – как?

– Эй, дука! – Ослиный Член был неугомонен. – Скажи этому магометову ποῦστης<sup>10</sup>, что мы так и быть отпустим его, если он вместо кобылы при всех обслужит твоего жеребца!

Ответом ему стали хохот и грохот мечей о щиты. Вурц ржал вместе со всеми:

– Спасибо, солдат! Так я и сделаю! Вы согласны, сенаторы? – Дука обвел взглядом остальных.

– Согласны! – выдохнул строй в ответ полководцу.

– Тогда идите и расскажите своим товарищам всё! И помните – мы уже победили! Ника! – Вурц сорвал с головы шлем, приветствуя выборных.

– Ника! Ника! Ника! – за ветеранами клич подхватило всё войско.

Выборные разошлись, крики стихли. Началась работа. К дуке подлетали вестовые, что-то докладывали, получали какие-то приказы, да и мне стало не до того. Тысяча и одно дело требовало внимания: разместить прибывших скиритов, распределить запасное оружие, пополнение, воду, оруженосцев, обойти строй, переговорить с хилиархами и кентархами. Короче, я метался как укушенный тарантулом.

В середине нашего треугольника по моему приказу разложили костёр. Рядом с ним, на самой вершине холмика, служившего нам позицией, поставили знамёна. Все понимали зачем. И тут из лазарета начали прибывать раненые, способные вернуться в строй. Они шли, перевязанные окровавленными тряпками, многие не могли держать щиты и просто привязали их к рукам, вытекшие глаза, выбитые зубы, сломанные носы и челюсти, отрубленные пальцы – таким было моё сегодняшнее пополнение.

– Приветствую хилиарха! – услышал я голос, который сначала и не узнал.

– Феофил, ты?

Наверное, я не смог скрыть удивления и ужаса. Мы с Феофилом дружили с детства. Я знал, что он тяжело ранен и унесён в лазарет, но такого не ожидал. Весь пах и низ живота у него был перебинтован так, что юбка доспеха топорщилась, на месте левого глаза – грязная тряпка...

– Почему ты здесь?! Тебе уже достаточно! Отправляйся обратно! – всё, что накопилось во мне за этот день, выплеснулось криком.

– Не ори, Жёлудь! На тебя уже сопляки оборачиваются! Мне конец, конечник дротика порвал кишки. Я не могу срать, но ещё способен драться! Так дай мне умереть здесь, а не сдохнуть там!

– Принимай свою сотню, Фео, и прости меня!

– Считёмся, Жёлудь! Прощай!

– Прощай, Фео!

<sup>9</sup> Сенаторы – игра слов. Сенатор обозначает ещё и «старейшина». Так со времён римских легионов было принято обращаться к ветеранам. Употребляя это слово, Варда Вурц оказывает уважение к делегатам от подразделений войска.

<sup>10</sup> Ποῦστης – грубое греческое ругательство, обозначающее пассивного гомосексуалиста.

Мой старый друг повернулся и поковылял к своей кентурии. Даже вино со смирной и настойкой опия не могло до конца заглушить ту нечеловеческую боль, что испытывал сейчас Фео. Но не дурманное зелье привело его сюда, а честь. Мы с детства знали, что нам предстоит стать солдатами, и сейчас Фео хотел умереть как солдат. Уйти из жизни не воюющим от боли куском мяса, а воином! И как последнее причастие принять глоток собственной крови, отворённой вражеским железом. Он был таким всегда – упрямец Фео, таким он оставался и сейчас. «Что встали, калеки?! Ползите за мной! Здорово, Архип! Давай, двигайся! Рано тебе ещё в кентархи, подождешь, пока я не сдохну!» – слышал я его голос. Таким он и остался навсегда в моей памяти.

Боевой порядок установился. Люди ждали на своих местах. Только лучники и пращники в извечной жадности стрелков продолжали собирать стрелы, пули и камни. Свои или чужие – без разницы. Стрел в бою в избытке не бывает. Истекали последние мгновения перемирия.

Со стороны варваров опять мерзко завыл рог, вызывая на переговоры.

– На коня, Макарий! Поехали, повеселимся напоследок! – Вуриц улыбался.

– Слушаюсь, светлейший! – отозвался я и, отстранив ипасиста, сел в седло.

– За мной! – Дука дал шпоры коню.

Мы отправились тем же составом. Маленькая кавалькада под знаменем империи. Сейчас мы сами были империей.

Турки ждали нас на том же месте. Остановившись, дука как равному кивнул султанскому выродку. Тот ответил тем же. Жирный толмач, понукая свою кобылу, выехал вперёд.

– Возлюбленный Аллахом потомок Пророка, потрясатель вселенной, меч Ислама, защитник веры, покоритель тысячи царств, муж тысячи жён, благочестивый султан Абдул-Мелик спрашивает тебя, Вуриц-паша, согласен ли ты на его милостливые условия?

– Нет! – лязнул голос Вурица.

– Ты отказываешься от милости потрясателя вселенной?! – поразился жирный евнух.

– Да, отказываюсь.

– Подумай, Вуриц-паша, – вмешался султанёнок, – я даю тебе последний шанс. Ты и твои воины заслуживают лучшей участи. Спаси их и себя. Вы храбры и сильны, но смертному не дано противиться воле Аллаха. Примите истину и идите к нам. Щедрость султана не будет знать границ, он окажет вам великую честь, вы все станете спахами в том вилайете, который выберете сами, а править им будешь ты, Вуриц-паша! В том нет бесчестья! Многие гяуры до вас уже узрели свет истины и теперь в почёте у султана!

– Нет!

– Ты спросил своих воинов?

– Да, и они просили передать их слова тебе.

– Говори!

– Если ты вместо кобылы обслужишь моего жеребца, солдаты согласны выпустить тебя живым! – рассмеялся в лицо варвару дука.

– Сыновья шлюхи и шакала, – турецкий петух в бешенстве схватился за саблю, – солнце не успеет зайти, как я брошу к ногам моего отца ваши головы! А ты, Вуриц, будешь смотреть на это, корчась на колу! Пощады никому не будет!

– Мы не привыкли её просить! До встречи в поле, царевич. Посмотрим, насколько хорошо ты владеешь мечом! – Вуриц развернул коня и, махнув нам рукой, поскакал в сторону наших позиций.

Не успели мы подъехать, как со стороны магометан раздался звук рогов, игравших сбор, и вопли муэдзинов, созывавших правоверных на молитву. Знаки перемирия уже убрали.

Готовились к богослужению и мы. Перед фронтом соорудили походный алтарь, возле которого суетился священник «Жаворонков» отец Порфирий – известный всему войску пьяница, сквернослов и бабник. Ходили слухи, что архимандрит монастыря, из которого он к нам



попал, уже десять лет ежедневно возносит хвалу Господу за то, что Создатель позволил сплавить брата Порфирия в войско.

Видом наш пастырь и его добровольные служки совсем не походили на торжественный клир Святой Софии. Грязная, драная, заскорузлая от крови ряса, обмотанные вокруг рук кожаные ремешки для накладывания на конечности, холицовая сумка травмата через плечо, свалявшиеся в колтун волосы и борода да смертельная усталость на лице. Весь этот долгий день он вместе с травматами таскал раненых, перевязывал, поил, исповедывал, причащал, соборовал...

Я стоял в общем строю на правом фланге. Было самое время обратиться к Богу. Сейчас каждый вспоминал свою жизнь, считал грехи, мысленно просил у Спасителя утешения и поддержки. Через несколько мгновений нам всем предстояло слиться в хоре общего моления, но сейчас каждый был с Богом один на один.

– Миром Господу помолимся! – начал отец Порфирий.

Солдаты опустили на колени, осеняя себя крестным знамением. Сотни склонённых голов, сотни губ, повторяющих за священником слова молитвы, запах ладана, чудом пробивающийся сквозь вонь смертного поля...

– Даруй, Господи, воинству православному победы! – напевно выводил священник, но тут случилось непредвиденное. Один из пельтастов, крестясь, задел свой щит. Символ солдатской гордости позорно упал лицевой стороной в грязь.

– Засранец! – отец Порфирий среагировал раньше декарха провинившегося. – Ты что, решил, что это и вправду тарелка для сыра?<sup>11</sup> Трахнутый богохульник!

Несчастный пельтаст готов был вскрыть себе горло, чтобы избавиться от позора, но священник не знал пощады:

– Стадо дерьмоедов! Думаете, Господь отпустит вам все грехи только за то, что вы притащили сюда свои задницы?! Не надейтесь! Он милостив и прощает вам, засранцам, пьянство, сквернословие и обжорство! Чёрт меня возьми, драные богохульники, Спаситель прощает вам даже то, что вы не пропускаете ни одной шлюхи, даже то, что вы пердите и втихаря играете в кости во время богослужения. Он даже тебя прощает, Ослиный Член, за то, что ты не можешь удержат на привязи свою едду! Вот только не думайте, что Он простит вам, если вы побросаете щиты! Хрен я вам отпущу этот грех! Не возьму я его на себя! Что вылупились, как монашки в лупанаре?! Думаете, если меня не пускают в «Две дыры», так через меня уже и благодать не сходит?! Не надейтесь! Всё равно течёт, как через засранный акведук! А теперь заткнулись все и припомнили свои грехи! Я отпущу их вам скопом, чтобы вы, засранцы, предстали перед Господом в приличном виде!

Я первый подошёл к причастию. За мной почти бегом двинулись солдаты. Время позволяло причастить всех. Варварам тоже нужно сначала воззвать к своему Аллаху, а потом одурманить себя гашишем. Без этого они сегодня в атаку не пойдут.

Солдаты сменялись возле отца Порфирия. Подходя к причастию, они улыбались священнику, а он им. Несмотря ни на что, «Жаворонки» любили и уважали своего непутёвого пастыря. Кому-то может показаться, что любить эдакого проходимца не за что, только «Жаворонки» считали иначе. Мы все не один раз видели, как он выносил с поля раненых, как в лазарете силой своего слова вытаскивал, казалось, уже обречённых, к жизни, заставлял бороться и тем спасал, как помогал умирающим преодолеть страх смерти и уйти достойно. Каждый из нас хотя бы однажды приходил к нему за утешением и надеждой, и всегда старый греховодник находил те слова, в которых нуждался наш истомлённый дух, а если временами это была площадная ругань, так что с того? Он делил с нами всё, что выпадало на нашу

---

<sup>11</sup> «Сырная тарелочка» – прозвище пехотного щита в византийской армии, «шляпа» – шлема.

долю, и как мог старался облегчить нашу ношу. Вот поэтому нас и не смущало, что святого отца не обслуживают в долг в борделе «Две дыры».

Богослужение закончилось. Солдаты стояли в строю и ждали боя. Однако варвары не торопились. С их стороны слышались какие-то крики, неясный гул, рев рогов, но атака так и не начиналась. Ожидание становилось нестерпимым. Взгляды невольно устремлялись на врага, а вот отвести их удавалось не всем. Пришлось братья за дело самому.

– Снять, чтобы быстро взять! – скомандовал я, выехав перед строем.

Начальствующе повторили мою команду. Солдаты привычно воткнули копья змеиной колючкой<sup>12</sup> в землю, сняли щиты и прислонили их к левому колену. Правые руки ослабили подбродные ремни и сдвинули шлемы на затылок. Я развернулся спиной к противнику.

– Смотреть на меня, парни! Не смотреть на ублюдков! Чтобы понять, что они делают, не нужны глаза, достаточно ушей. Смотреть на меня, я сказал! Кто там вцепился в щит, как в мамкину титьку? Снять, я сказал! Сдвинуть шляпы, поставить тарелочки!

Постепенно взгляды солдат сосредоточились на мне. Нужно было продолжать.

– Сейчас они уже накурились гашиша и потихоньку дуреют. Когда их мозги окончательно превратятся в навоз, они вообразят себя бессмертными и попрут на нас. Смотреть на меня! Пускай прут! Чем дурнее они будут, тем легче нам. Никакого героизма! Стоять на месте и убивать засранцев! Нам надо убить всего тысячу, и они побегут! Вы убьёте для меня эту тысячу?!

– Да, хилиарх! – раздались отдельные голоса.

– Громче, засранцы! Отвечать разучились?!

– Да, хилиарх! – дружно рявкнул уже весь строй.

– Так-то лучше! – Я кожей ощущал, как солдат отпускает напряжение, осталось немного дожать. – Продолжим, парни. Сейчас их паши и баши палками загоняют вишивых недоносков в строй. Слышите, как орут эти безмозглые бараны?! То-то! Это орёт их страх! Это их страх дурманит себя гашишем! Это их страх даёт им ложное мужество! Убейте тысячу, и страх раздавит их!

– Барра! – взревели таксиархи. Орала даже оруженосцы и лагерные рабы.

Варвары наконец построились. Беспорядочные взвизгивания турецких рогов на мгновение затихли, а потом их дружеский рёв возвестил о начале атаки.

– Началось, парни! – я махнул рукой в сторону вражеского войска. – Надвинуть шляпы! Поднять тарелочки! Буксиники, сигнал «К бою»!

Звук вибрирующей меди поплыл над полем, буксидам тяжелой пехоты отозвались фанфары кавалерии и рожки стрелков. «Наступил ныне час, когда каждый из нас должен честно свой выполнить долг! Долг! Долг!» – к этой мелодии невозможно привыкнуть, она каждый раз проводит черту под твоей жизнью, и никому не дано знать, что будет потом – ты или короткая фраза «списан по смерти»...

Как всегда, в турецких войнах спор между собой вели ярость и дисциплина. Сегодня ни одна из них не могла взять верх. Стрелы, конница, пехота, конское ржание, крики, звон оружия, кровь, боль, смерть. Дьявол хохотал и потирал руки, принимая в аду пополнение.

Конец этому положил Вуриц. С оставшимися у него тремя тагмами он врезался в правый фланг турок, опрокинул спахов, вцепившихся в «Волчат», краем задел пехоту и вышел в тыл тяжёлой кавалерии на нашем правом фланге. Такого турки вынести уже не могли, их линия рухнула и в беспорядке бросилась назад. Мы не преследовали. На сегодня дело закончилось.

Темнота стремительно вступала в свои права. Скириты змеями уползли в ночь. Оставшиеся на ногах солдаты жались к редким кострам, над которыми висели котлы с немуд-

<sup>12</sup> «Змеиная колючка» – бронзовый шип-противовес на комле копейного древка.

рящим варевом. Травматы и оруженосцы несли стонущих раненых. Люди чистили доспехи, точили и правили оружие, а закончив, ложились спать. Сегодня не было разговоров у лагерного костра, мы понимали, что утро потребует всех наших сил без остатка.

Я нашёл время проститься с Фео. Судьба дала мне царский подарок – несколько минут для себя. Такая удача редко выпадает стратигам. Я молча смотрел на спокойное лицо своего погибшего друга. Мне удалось выполнить его последнюю просьбу, кентарх Феофил погиб от честной раны в грудь, сражаясь в первом ряду, а не умер от боли и лихорадки на пропитанной кровью, мочой и блевотиной соломенной подстилке в лазарете. Большие некому было назвать меня Жёлудем. Из стайки дочерна загоревших мальчишек, игравших когда-то на берегу Пропонтиды, в живых остался я один. Темнота скрыла слёзы, катившиеся по моим щекам, но мне некого было стесняться – есть моменты, когда и мужчины имеют право плакать...

Солнце медленно вставало над невысокими каменистыми холмами. Не было никаких багровых туч, кровавых сполохов и зловещих знамений, о которых так любят писать хронисты. Обычное утро. Солдат подняли до света, так что мы встречали восход, уже набив животы кашей из дроблёного ячменя, вяленным мясом, луком и сыром. Бойцы сидели на земле – незачем утомлять их ранние времена.

«Наша позиция осталась прежней, да и варвары утром обнаружили на старом месте. Только вот сегодня сельджуки будут умнее и не наступят дважды на одни грабли. За вчерашний день они убедились, что одним натиском нас не взять. Сегодня нами сначала займутся конные лучники. Мы потеряли слишком много конных и пеших стрелков, и у нас слишком мало стрел, чтобы им как следует противостоять. Так что они сначала размягчат нас, и только потом пойдут в атаку, а Вурца и Камицу до времени свяжут боем, чтобы они не смогли прийти к нам на помощь», – такие мысли бродили у меня в голове, впрочем, как выяснилось, не у меня одного.

Вурц на неизменном белом жеребце подскочил к нам.

– У меня две новости, Макарий – хорошая и плохая! – попытался спрятать беспокойство за показным весельем дука.

– Начни с хорошей, светлейший, плохую я сам вижу. Похоже, львиная доля конных лучников сегодня достанется нам.

– Верно, но мне есть чем тебя обрадовать – базилевс на подходе. Георгий Левун пробился. Час назад до меня добрался гонец от базилевса, войско будет здесь чуть позже полудня. Нам надо выстоять пять-шесть часов.

– Только это будут дерьмовые шесть часов.

– Согласен, но это лучше, чем двенадцать! Строй солдат на молитву, скоро ублюдки пронюхают о подходе базилевса, и тогда начнётся...

– Слушаюсь, светлейший!

– Макарий!

– Да, светлейший!

– Я мало что смогу сделать сегодня, чтобы помочь пехоте, у меня нет резервов, но что смогу – сделаю!

– Спасибо, светлейший!

– Береги себя и своих, хилиарх! Империи нужен будет каждый меч!

– Да, светлейший!

Служба шла торжественно и сурово. Молитва об одолении супостата была одновременно и благодарственным молебном и панихидой, и неважно, какие слова произносил при этом священник. На пороге смерти каждый сердцем обращался к Создателю. На самом деле здесь и сейчас обряд был неважен, он просто создавал настрой, волну, поймав которую человек может беседовать с Богом сам, без помощи священников, епископов и патриархов. Именно

*это и придавало последнему для многих и многих из нас богослужению неземное и суровое величие...*

*Оглядываясь на прожитую жизнь, я думаю, что долг каждого священника стремиться к тому, чтобы его паства могла открыть Господу своё сердце и всегда беседовать с Ним без слов, как дети могут разговаривать с родителями – сердце с сердцем.*

*Завывания муэдзинов на той стороне смолкли. Теперь и они были готовы. Рев карнаев – огромных, в рост человека рогов – возвестил, что пришел наш собственный судный день. Конные лучники турок двинулись на нас.*

*– В «черепаху»! Стрелкам приготовиться! – резко бросил я.*

*– Да, хилиарх! – отозвался декарх трубачей, и буксины повторили мой приказ.*

*Щитоносцы сбились тесными прямоугольниками и закрылись щитами со всех сторон. Те, кому выпало стоять в глубине строя, подняли свои «сырные тарелочки» над головой и подпёрли копьями. Никто не знал, сколько придётся стоять вот так под стрелами, каждый миг ожидая, что свистящая смерть просочится в щель между щитами и найдёт тебя. Не больно-то весело, но только так тяжёлая пехота может долго выносить такой обстрел, какой нам уготовили сегодня магометане.*

*Если гоплиты сбивались щит к щиту, то стрелки, наоборот, старались встать как можно реже, чтобы не мешать друг другу и не быть слишком уж заманчивой целью. Эти храбрые парни прекрасно понимали, что не смогут заставить замолчать своих противников, но собирались сделать всё возможное, чтобы не позволить варварам спокойно стрелять. Кожаный доспех стрелка или скирита не спасёт от стрелы, так что лёгкая пехота надеялась на свою подвижность и меткость. Мы были готовы.*

*Рысью доскакав до рубежа уверенного выстрела, турецкие ублюдки разом вскинули луки. Я приготовился рухнуть на колено и поднять щит, как только станет понятно, куда придёт первый залп, но не успел.*

*– Бей! – рявкнули хором Дамиан и Ипатий, рожок взвизгнул, и туча стрел и пращных ядер понеслась в сторону турок, на удар сердца опередив их залп.*

*– На колени, хилиарх! – рука одного из ипаспистов рванула меня за плечо, а нога второго в тот же момент ударила под колено. Когда такой трюк проворачивают с тобой неожиданно, защититься от него крайне трудно, и я в мгновение ока оказался на коленях, закрытый со всех сторон щитами ипаспистов.*

*– Чёрт вас возьми, засранцы! – выверился я, но мой гнев не произвёл на телохранителей ни малейшего впечатления.*

*– Прости, хилиарх, но уговаривать тебя было некогда, да и бесполезно. Вы со светлейшим слеплены из одного теста, так что мы привыкли в случае нужды поступать по-своему, – ухмыльнулся старшина ипаспистов.*

*– Я тридцать лет назад научился самостоятельно вытирать задницу, декарх! – мой гнев никак не желал отступать.*

*– Сожалею, хилиарх, но у нас приказ защищать тебя любой ценой, даже если ты будешь мешать нам это делать, – старый ипаспист был непоколебимо спокоен.*

*– Какого чёрта?!*

*– Когда дука приказывает, его приказ следует выполнять, – терпеливо пояснил мне декарх, – а теперь пригни голову и не всовывайся!*

*Стрелы, стрелы, стрелы... Воздух загустел от них, как сироп. Свистящая смерть. Только когда стрел много, они не свистят. Вместо свиста какой-то неведомый великан раз за разом раздирает гигантский холст. Треск, шорох, визг, а потом удар! Стрела с хрустом впиывается в дерево щита или отскакивает от бронзовой оковки. Раз за разом тяжёлый удар отдаётся в руку и остаётся в ней навсегда. Терпи, если хочешь жить, солдат!*

Тяжёлая пехота сжималась под щитами. Ощущение времени пропало. Я не мог сказать, сколько мы уже стоим под обстрелом – час или год. Раз за разом стрелы находили дорожку, и тогда в строю кто-то падал. До смерти убило немногих<sup>13</sup> – мы носили хорошие доспехи и крепкие щиты, но мало кто остался не помянутым. Лицо, руки, шея, ноги – от потери крови многие стали слабее больных детей. Вуриц и Камица раз за разом бросали свои истомлённые тагмы в атаку, но их останавливали. Врагов было слишком много, у них хватало бойцов на всё.

Сжавшись под щитом, я думал об одном – не прозевать атаку конницы. Султанёнок не дурак и под прикрытием стрелков наверняка подтянет спахов, а те, подобравшись на расстояние копёйной атаки, ударят клином. Если вовремя не заметить этого, кулак доспешной конницы разметает «черепахи» по полю, как ветер сухие листья.

Мне повезло. Каким-то неведомым чувством опытного солдата я уловил изменение в ритме обстрела и успел скомандовать перестроение. Повинуясь сигналу буксинов, солдаты рассыпали «черепахи» и построились для отражения конной атаки. Вовремя. Ливень стрел утих, конные лучники врага бросились в стороны, а в образовавшиеся промежутки галопом влетели клинья спахов. В этот раз валы не создавали такого препятствия для конницы, как накануне вечером. Варвары под прикрытием своих стрелков сумели проделать в них изрядные бреши, хоть и обошлось им это недёшево.

Наши уцелевшие стрелки, жертвуя собой, старались выпустить последние стрелы и камни в упор, чтобы хоть немного сбить порыв варварской конницы, и им это удалось. Через бреши влетели уже не стройные клинья, а плотные толпы, и скорость у них была всё же поменьше, чем в начале атаки. Из-за валов врагу пришлось атаковать только в лоб, места для манёвра не хватало, и мы этим воспользовались сполна. Каждая таксиярхия заткнула свою брешь. Конницу встретил плотный строй глубиной в семь щитов. От слитного удара конной массы его качнуло, но и только. Длинные пики спахов бессильно ломались о щиты, и редко какая находила цель, а упёртым в землю сариссам промбахов ничто не мешало вонзаться в конские груди. Лошади дико ржали и валялись наземь, увлекая за собой всадников. Солдаты задних рядов до отказа отводили свои копыта назад, а потом выбрасывали на всю длину руки. Кавалерия застряла. Теперь те, кто успел проскочить внутрь кольца валов, не могли даже отступить, но они и не собирались этого делать.

Варвары старались с высоты седла достать солдат пиками, рубили мечами копёйные древки, некоторые заставляли обезумевших лошадей прыгать прямо на стену щитов, чтобы ценой своей жизни пробить в ней брешь для товарищей. Спахи демонстрировали сегодня высокое умение и истинное воинское мужество, но в этот раз мы оказались сильнее. Прорвавшихся кавалеристов перекололи, ни один не отступил, вот только цена этой маленькой победы оказалась слишком высока.

Не успевшие прорваться внутрь валов конники откатились, и в нас снова полетели стрелы. Таксиярхии вновь свернулись в «черепахи». Враг продолжал размягчать наш строй и разбирать построенные нами валы. Теперь даже самому тупому болвану из лагерной прислуги стало ясно, что рано или поздно эта тактика принесёт им успех. Ирония судьбы, мы терпели поражение накануне победы!

На этот раз обстрел продолжался дольше, правда Вурицу и Камице несколько раз чудом удавалось отогнать вражеских стрелков и дать нам передышку. Один раз мне даже показалось, что счастье сегодня вопреки всему улыбнётся нам. Командовавший спахами паша прозевал манёвр Камицы, и железная колонна катафрактов во весь конский мах ударила им во фланг. Грохот, лязг и треск столкновения двух масс закованных в железо всадников на мгновение заглушил все остальные звуки. Попавший под удар табор в мгновение ока был втоптан в

---

<sup>13</sup> Убить до смерти – убить в нынешнем понимании этого слова. В те времена глагол «убить» без уточнений обозначал нанести телесные повреждения любой степени тяжести. До сих пор про ударившегося говорят «убился».

грязь. Передовая тагма, не задерживаясь, прошла через них, а следующие за ней развернулись в лаву и ударили по застигнутым врасплох стрелкам. Левое крыло сельджуков зашаталось, но для того, чтобы оно рухнуло, не хватило самой малости. Вражеский резерв, топчя своих и чужих, ударил по катафрактам Камицы. Те устояли, но темп был потерян. Расстроенные внезапной атакой варвары пришли в себя. Огрызаясь короткими наскоками и прикрываясь конными стрелками, Камица отступил.

На нас снова посыпались стрелы. Теперь наша конница не могла нам помочь. Разозлённые потерями спахи безжалостно навалились на неё. Поле скрылось в клубах пыли. Катафрактам пришлось драться с трёхкратно превосходящим противником, а превосходство варваров в стрелках было ещё больше. Нам вновь пришлось справляться самостоятельно.

Снова зазвучали варварские рога и на нас опять бросились спахи. Однако на этот раз турки придумали что-то новенькое. На стремени каждого спаха висел пехотинец. Ублюдки сообразили, что даже изрядно разрушенные валы не дадут им набрать разгон и строй придётся прогрызать, вот и захватили с собой пехоту, чтобы нам было веселее.

Нам и впрямь стало совсем не скучно. Опасность грозила теперь отовсюду. Сверху нас били пиками кавалеристы, а снизу со скимитами и саблями лезла пехота. Мы с трудом держали стену щитов. Все понимали, что стоит только бою превратиться в беспорядочную свалку, как нас вырежут за несколько мгновений. Каким-то чудом мы их всё же теснили. Я стоял в окружении ипасистов под знамёнами и, скупко расходуя свой жалкий резерв, затыкал намечающиеся в строю прорехи.

Они все же подловили меня. Таксиархии слишком далеко разошлись друг от друга, защищая каждую свою брешь, чем турки и воспользовались. Я слишком поздно заметил, что они уже почти растащили вал еще в одном месте и через мгновение ударят в стык между «Жаворонками» и «Сладкими девочками». Счет шёл на удары сердца, выхватив копьё у ближайшего оруженосца, я взмахнул им в сторону намечающегося прорыва и бегом бросился вниз по склону. Ипасисты бросились за мной, а за ними спешила лишь на мгновение замешкавшаяся неполная сотня резерва.

Немного не добежав до симпатичной каменной гряды, я рухнул на одно колено и вытянул левую руку, обозначая положение строя, а затем сжался за щитом и упер копьё «змеиной колючкой» в землю, направив остриё в направлении врага. У меня ещё мелькнула мысль: «Давненько, Макарий, тебе не приходилось быть промбахом!». Мелькнула и ушла. Рядом со мной, со стороны копья, загибая фланг, встал старшина ипасистов, а со стороны щита примкнул незнакомый декарх «Сладких девочек». Мы успели сбить ряды, почти успели...

Вал рухнул. Уже не с криком, а с визгом «алла» толпа варваров ринулась в открывшийся проход. Пешие и конные вперемежку – засранцы почуяли шанс наконец-то задрать подол фортуны. На наш поневоле рыхлый строй катился вал перекошенных, вымазанных грязью и кровью харь, распяленных в крике пастей и выпученных глаз, во главе которого, прямо на меня, нёсся огромного роста турок на гигантском вороном жеребце. Его крашенная хной борода пламенела поверх доспехов. Мой взгляд против воли прилип к этой бороде, и у меня не хватало сил отвести его.

Руки всё сделали сами. Широкий листовидный наконечник вошёл в грудь коню. Смертельно раненная зверюга взвилась на дыбы, чуть не вырвав меня из строя. Рыжебородый, дико вереща, вылетел из седла, и его накрыла набегающая толпа. Я вскочил на ноги и лихорадочно рванул меч из ножен. Свалка разошлась вовсю. Многие промбахи, подобно мне, потеряли копьё, но первый удар конников мы остановили. Для первого ряда пришёл черёд мечей. Теперь надо прижаться, прильнуть к бойцам противника ближе, чем к любовнице, почувствовать на лице их смрадное дыхание и пустить в ход меч. И никаких размашистых рубящих ударов, которые так любят варвары! Со времён Старого Рима пехота Империи только колет. В этом проникновении есть что-то от соития, только солдат не зачинает, а отнимает жизнь.



Один из спахов безжалостно заставил своего коня прыгнуть вперёд. Еще в полёте благородное животное получило в брюхо сразу несколько копий. Бьющаяся в агонии туша рухнула вниз, сметая своих и чужих. Я даже не почувствовал боли, просто левая нога вдруг перестала поддерживать тело, но я почему-то не падал. Мой меч на фут вошёл в брюхо очередного козлотраха, я резко освободил оружие и вдруг обнаружил, что сижу на заднице на чём-то теплом и мягком. Внезапно время стало тягучим, как смола, а звуки смолкли. Краем глаза я видел, что ипасисты тянутся ко мне, чтобы прикрыть щитами и выдернуть из свалки, и успел подумать: «Я что, ранен?», а потом стало уже не до мыслей. Всё поле зрения заслонила конская грудь, пересечённая альбыми полосами богато украшенной сбруи. Оставалось только одно – я, как мне казалось, медленно прикрылся щитом и ещё медленнее выбросил меч вперёд и по самую крестовину погрузил его в конское тело. Колени коня подогнулись, круп взлетел почти до небес, а потом вся эта груда плоти рухнула, погребая меня под собой. И тут мир со всеми его звуками и запахами внезапно обрушился мне на голову. Но спустя краткий миг какофонию сражения сменили боль и темнота.

Я очнулся от льющейся на голову холодной воды. Было тяжело дышать, в голове гудело, а левая нога пульсировала почти невыносимой болью. Зрение понемногу возвращалось, и прямо над собой я увидел наши знамёна. Битва шумела в отдалении, слышались звуки труб и буксинов, крики, лязг оружия.

– Очнулся, слава богу! – услышал я знакомый голос. – На-ка, хлебни, это поможет.

Седой декарх ипасистов поднял мою голову и поднёс к моим губам кружку с вином и помог напиться. «С маковой настойкой», – подумал я и был прав.

– Что с нашими?! Как бой, как войско? – Боль отступала, а её место занимала тревога.

– Мы устояли, хилиарх! На одной ноге, но устояли! Зацепились за самую вершину и уже прощались с жизнью, но базилевс всё же пришёл! Сейчас козлотрахов уже добивают! Ты провалялся без памяти несколько часов, – голос ипасиста дрогнул.

– Какие потери?

– Тяжёлые, очень тяжёлые, хилиарх. Во всех трёх таксиархиях на ногах осталось меньше тысячи.

– А «Жаворонки»?

– Неполные две сотни.

– Понятно. Кто принял командование?

– Всей пехотой командует хилиарх Никанор, а «Жаворонками» лохаг Евстратий.

– Ни одного кентарха на ногах?!

– Да, «Жаворонки» затыкали тот прорыв, который ты остановил.

– Значит, я погубил таксиархию, а сам выжил?!

– Не говори так, хилиарх! Ты сделал всё как нужно! Такова судьба! Лучшие бы ты спросил, что с тобой.

– И что?

– Тебе попало по голове и придавило упавшей лошадью. Как она тебя не раздавила, я не знаю. У тебя сломано ребро, вывихнута рука, но её я уже вправил.

– А что с ногой? Что-то она сильно болит.

– С ногой плохо.

– Насколько?

– Очень плохо. Какой-то ублюдок воткнул тебе клинок прямо под поножи, а потом по ноге прошлись копыта. Там месиво. Я наложил жгут и, как умел, пристроил ногу в лубки, а в остальном уповай на травматов. На, хлебни ещё, и мы понесём тебя.

– А как твои люди?

– Чудом все живы! Только Николай ранен, но жить будет.

– Как вы меня вытащили?

- Не знаю, не спрашивай! Как-то! Никто не помнит!
- Спасибо!
- Считёмся, хилиарх! А ну, парни, взяли его!

Трудно найти слова, чтобы описать полевой лазарет, но я попробую. Это страшное место. Невообразимая смесь бойни, пыточного застенка, богадельни и храма. Кровь хлюпает под ногами, травмы, подобные адским духам, корзинами выносят отрезанные ноги и руки, суровые бойцы бредят, плачут и зовут своих матерей, под ножом хирургерона орёт какой-то бедолага. Ад, только правят в этом аду не дьяволы, а ангелы-хранители! Эти мясники и мучители, мастера резать и вышивать по живому телу, спасают жизнь! Их мужество не меньше, а то и больше нашего, они каждый день выходят на бой со смертью, смотрят ей в глаза так, как никогда не посмотрит солдат, и костлявая<sup>14</sup> отступает перед ними.

Сегодня мне выпала судьба вновь попасть в их безжалостные и благословенные лапы. Впрочем, не мне одному. Кто-то прибывал подобно мне на носилках из плащей и копий, кого-то вели товарищи, кто-то ковылял сам. На входе моих носильщиков встретил травмат.

- Кого несёте?
- Хилиарха «Жаворонков». Ему срочно нужен доктор!
- Кладите здесь.
- Ты не слышал меня?! – в голосе ипасниста прорезалась угроза.
- Слышал, но здесь нет ни рядовых, ни начальствующих – только раненые! Хочешь помочь своему хилиарху – помоги снять с него железо.

Когда с меня стаскивали доспех и поддоспешник, я громко ругался от боли. Потом дело дошло до моей искалеченной ноги. Перед болью, что пронзила меня, когда травмат начал снимать поножи, спасовал даже маковый дурман. Сознание милостиво отключилось. Я снова очнулся уже на столе перед светлыми очами хирургерона. Он был чёрен от усталости, а одежду с ног до головы покрывала кровь. Мастер медленно перевёл взгляд с моей ноги на лицо и спросил:

- Очнулся, хилиарх?
- Да.
- Тогда слушай. Если всё пойдёт хорошо, ты будешь жить, но ногу спасти я не смогу. Её придётся отнять ниже колена. У тебя сломаны рёбра, так что привязать тебя нельзя. Вырубить тоже – тебе попало по голове. Так что придётся терпеть. Ты меня понял?
- Да.
- Если дёрнешься – зарежу к чёртовой матери!
- Понял.
- Тогда выпей, а закусишь вот этим, – хирургерон показал мне обмотанную тряпками палку и кивнул травмату.

– Выпей, хилиарх, это поможет. – Вино со смирной и маковым дурманом в какой уже раз потекло мне в горло.

- Довольно! – стегнул кнутом голос доктора.
- Лекарский помощник отнял от моих губ фиал<sup>15</sup> и вставил между зубов палку.
- Помолись, хилиарх, мы начинаем, – хирургерон дал знак своим подручным.

В мои плечи, руки и ноги вцепились травмы. Последнее, что я успел разобрать перед погружением в омут боли, был голос доктора: «Нож!»

Боль, всюду боль! Если бы не дурман, я бы, наверное, умер. Тело против моей воли пыталось вырваться, убежать, прекратить эту пытку – тщетно, травмы держали крепко.

---

<sup>14</sup> Костлявая – смерть.

<sup>15</sup> Фиал – небольшой кувшин с узким горлом и двумя ручками.

*Я не мог разобрать слов, но отчётливо слышал звуки, с которыми инструменты входили в моё тело: треск кожи, разрезаемой ножом, щелчки зажимов и самое страшное – визг пилы, вгрызающейся в кость.*

*Я просил Бога послать мне забытьё, но ОН не слышал, я богохульствовал и просил смерти, но ОН остался глух. Свет в моих глазах то вспыхивал, то гас, звуки то разрывали череп, то стихали совсем. Я кричал и не слышал своего крика. Сердце пыталось выскочить из груди, взорваться, но я жил. Это было начало кары, которую мне предстояло понести за то, что я погубил своих солдат, но, господи, какой малостью была физическая боль по сравнению с болью душевной!*

*Хирургерон тем временем срезал лишнее мясо, перевязывал жилы, натягивал кожу на культю. Он знал своё дело, и я, как и многие прошедшие в тот день через его руки, обязан ему жизнью. Наконец лекарь закончил со мной. Травмат поднёс ему плошку с водой прямо к лицу. Хирургерон пил, как загнанная лошадь. Напившись, он посмотрел на меня:*

*– Ты с нами, хилиарх?*

*– Д-да.*

*– Однако! Ты силен! Но тем лучше, я сделал всё что мог, теперь всё зависит от тебя и Бога. Молись всем святым и цепляйся за жизнь. Ты понял?*

*– Да.*

*– Удачи тебе, хилиарх, – лекарь развернулся к помощникам и приказал: – Уносите! Следующий!*

*Меня отнесли в угол шатра и бережно уложили. Прислужник дал мне напиток. Я балансировал на тонкой грани между явью и забытьём, перед глазами проходили странные видения. Зрение стало нечётким, а слух многократно обострился – я слышал всё.*

*Из этого состояния меня вырвала возня вокруг соседней охапки соломы. С трудом повернув голову, я увидел носилки, влекомые отцом Порфирием и одним из травматов.*

*– Осторожнее, отец, осторожнее! – травмат был не на шутку встревожен. – Кладём так, чтобы парень лежал на правом боку. Может, ещё и выживет.*

*– Сейчас, сейчас, – священник бережно начал опускать свой край носилок.*

*Я узнал раненого: тот самый мальчик – знаменосец Вурца. Судя по тому, как часто и хрипло он дышал, ему прорубили правую сторону груди до самого лёгкого. На губах выступала розовая пена. Парнишка что-то еле слышно бормотал в бреду. Каким же он был маленьким и тонким сейчас, без доспехов и оружия, прибавлявших ему лет. Совсем ребёнок!*

*Хрупкое тело сотряс приступ мучительного кашля, на губах снова выступили розовые пузырьки. Отец Порфирий осторожно промокнул мальчику губы. Тот на мгновение открыл глаза, но так и не очнулся. Он снова заговорил в бреду, и я подумал, что схожу с ума: в еле-еле различимом шёпоте слышался бронзово-чёткий топот гексаметров:*

*Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,  
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:  
Многие души могучие славных героев низринул  
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным*

*Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),  
С одного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою  
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.  
Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?<sup>16</sup>*

---

<sup>16</sup> Гомер «Илиада». Песнь первая.

*Грезил ли он о славе или снова сидел в аудитории Магнавры, кто знает? В любом случае, там ему было лучше, чем здесь.*

*Пошатываясь, подошёл хирургерон. Мрачно посмотрел на юного знаменосца, присел на корточки и долго вслушивался в частое хриплое дыхание. Промакнул пену с губ, кончиками пальцев коснулся груди, поднялся и медленно провел ладонью по своему лицу, как будто снимал с него липкую паутину. Мальчик вновь зашёлся в кашле.*

*– Он твой, отче, – лекарь обречённо кивнул головой в сторону раненого. – Осколки рёбер проникли в лёгкое. Я ему уже не нужен.*

*– Сделай, хоть что-нибудь, Афинодор! Он же ещё мальчишка! – на отца Порфирия было страшно смотреть.*

*– Что бы я ни сделал, это лишь добавит ему мучений, отче. Помоги мальчику уйти, умирать – не простая работа, да ты и сам знаешь...*

*– Знаю.*

*Хирургерон развернулся и заспешил к следующему раненому. Парнишка открыл глаза. По бившим из них боли и ужасу мы с Порфирием поняли, что он слышал слова лекаря. Однако ему было не занимать мужества.*

*– Я умру, отец мой? – слабый голос мальчика не дрожал.*

*– Да, сынок, – не стал лгать священник.*

*– Отче, я хочу исповедаться, – слова с трудом проходили сквозь kloкочущую в горле пену.*

*– Да, сын мой, – Порфирий опустил на колени и припал ухом к самому лицу умирающего воина.*

*Мне казалось, что исповедь длится долго, хотя с чего бы? Много ли успел нагрешить шестнадцатилетний парнишка? Просто ему было тяжело дышать и говорить. Священник несколько раз останавливал его и стирал с губ кровавую пену, а со лба липкий и холодный предсмертный пот. Я хотел отвести взгляд – не мог, хотел хоть как-то ободрить мальчика – не мог произнести ни слова... Наверное, такова была воля Божья, чтобы я на всю жизнь запомнил то, что мне пришлось увидеть.*

*Исповедь закончилась. Умирающий солдат с усилием лизнул с ложечки Святые Дары. На несколько долгих ударов сердца юный знаменосец закрыл глаза, а потом попросил:*

*– Поговори со мной, отец мой, мне страшно.*

*– Не бойся, мальчик, я рядом, – голос отца Порфирия дрогнул.*

*– Отче, я боюсь. Я всегда мечтал о славе, а сейчас... Так не хочется умирать...*

*– Вот моя рука, сынок, держись за неё, тебе будет легче, – священник взял паренька за руку.*

*– Скажи, отче, Бог простит меня? Простит мне мою гордыню, жажду славы, трусость?*

*– Ему не придется прощать тебя, в этом ты не грешен. Ты не трус и не гордец, а что до славы, так ты честно заслужил её. Ведь это ты увлёк за собой катафрактов, когда под дукой убили коня. Но ведь ты не о славе тогда думал?*

*– Нет, отче... – мальчик захлебнулся кашлем.*

*– Тихо, тихо, сынок. Дыши. Вот так, спокойно, спокойно, – тихий голос священника впивал в себя чужую боль.*

*– Так Господь примет меня?*

*– Примет, мальчик, обязательно примет. Ты воин и станешь воином в войске небесном. Сам Архангел Михаил будет твоим дукой, а святой Георгий друнгарием, и он доверит тебе знамя.*

*– Правда?*

*– Правда, сынок, правда! – в голосе отца Порфирия стояли слёзы.*

– Спасибо тебе, отче... Я не думал, что умирать так больно и страшно. Не уходи, отче!  
– Я не оставляю тебя, мальчик! Ты поплачь, так будет легче. Это не стыдно. Вспомни дом, родителей... У тебя есть братья, сёстры?

– Братик и сестричка.

– Вот и вспоминай их. Закрой глаза и вспоминай. И не стыдись слёз!

Мальчик закрыл глаза. По его щекам текли слёзы. Тонкие пальцы в последнем усилии стиснули грубую руку священника. Отец Порфирий плакал вместе с ним. Слёзы чертили дорожки на его покрытом грязью и кровью лице. Дыхание умирающего становилось всё тяжелее. Тонкая струйка крови сбегала из угла рта. «Как вино, там, на ничьей земле», – подумал я. Он ещё успел прошептать «мама», и началась агония...

Отец Порфирий сквозь слёзы читал отходную. Тело юного знаменосца затихло. Жизнь ушла из него. Тяжелыми камнями падали заключительные слова «Последования по исходу души от тела». Для меня перестали существовать и лазарет с его болью и стонами, и страдания моего собственного тела, и даже империя. Весь мир сузился до умершего мальчика и коленопреклоненного священника над ним...

Вдруг отец Порфирий вскочил на ноги. С каким-то рычанием он погрозил кулаком закрытому парусиной шатра небу.

– Ублюдок! Почему ты забрал его?! – Бешеный крик заставил всех обернуться на священника. – Почему его, а не меня?! Это меня заждались в аду черти! А ты забрал его! Что он видел?! Почему, ублюдок?!

Два травмата навалились на обезумевшего священника и повалили на землю. Третий ножом разжал сведённые челюсти и сунул между ними горлышко фляги. Плечи отца Порфирия вдруг обмякли. Не раз видевший ад воинский пастырь рыдал как ребёнок. Его подхватили на руки и поволокли вон из шатра. Тут судьба наконец-то сжалилась надо мной – я потерял сознание».

Дверь без стука отворилась, прерывая воспоминания бывшего воина, и в келью вошёл седой монах. Гость пылал праведным гневом, и хозяин кельи сразу же ощутил его на себе:

– Чтоб тебя! Опять пинешь?! Скоро как крот слепой станешь! – скрипучий старческий голос заполнил собой помещение. – Тебе лекарь чего велел?! И окошко раскрыл, застудиться хочешь? А ну вставай, пошли, я, что ли, за тебя есть-то буду? И не проси, сюда не принесу – вставай да сам иди, а то небось корни тут скоропустишь!

– Пишу! Иного мне уже не осталось! – В голосе хозяина кельи прорезалось раздражение. – Оставить память о том, что видел – хоть какая от меня польза!

– Во-во! Писатели! Что ты, что Сучок – зодчий хренов! Тьфу! – вошедший в сердцах плюнул. – Одна песня: «Память оставить, науку передать, торопиться надо, пока жив!» Что один, что второй! А сами-то не молоденькие! Так нет – ты по службам, да по монастырям, да по проповедям, а он по стройкам своим! А чуть минутка свободная – писать! Жрать я за тебя буду, твоё преосвященство?!

– Иду, иду, цербер! – хозяин снял очки и с видимым трудом поднялся с места.

– Вот и иди, да тулупчик на, накинй.

– Спасибо.

Два старца покинули келью, в которой, казалось, все еще жило прошлое, и даже доносившиеся с улицы невнятный шум и голоса, среди которых ухо старого солдата легко бы выделило воинские приказы и звон железа, звучало словно эхом той битвы ... И хотя среди солдат Лисовинова полка воинства великого княжества Росского и Поморского, чьи казармы располагались недалеко от покоев архиепископа и откуда сейчас и принесло эти звуки, не было – ну или почти не было – греков по крови, именно они могли считаться наследниками по духу тех, кто стоял насмерть там – уже много-много лет и зим назад при Поливоте...

## Часть 1

### Дорога



### Глава 1

*Конец ноября 1125 г. Окрестности Ратного*

Снег поскрипывал, неказистая каурая лошадёнка неторопливо тащила сани по накатанной дороге. Возница её не подгонял, да и зачем? До Ратного оставалось ходу всего ничего, так на что животину мучить. Так же, видимо, думал и обозный старшина, поэтому сборный обоз Младшей стражи и купца Никифора из стольного града Турова, предводимый бояричем Михаилом, десятником Егором и самим Никифором, растянувшись длинной змеей по узкой лесной дороге, медленно приближался к столице Погорынского воеводства.

На четвёртых от головы обоза снях, тех самых, что с философской неторопливостью влекла вперёд каурая лошадёнка, лежал человек. От легкого, но ошутимого морозца его защищал длинный тулуп, в который путник временами зябко кутался. Из-под тулупа выглядывали сапоги, а голову венчала мохнатая овчинная шапка. Большие чёрные глаза на смуглом лице, прямой нос и черная кучерявая борода, щедро тронутая сединой, выдавали в нём иноземца, скорее всего, грека. Простая тёмная одежда странника и торчащий из-под тулупа край рясы позволяли стороннему наблюдателю предположить, что видит он перед собой лицо духовного звания.

Новый ратнинский священник отец Меркурий ехал к месту своего служения, к будущей пастве, чтобы встать на место павшего от руки ляхских находников отца Михаила, которого уже начали именовать страстотерпцем и святым мужем не только односельчане, но и на епископском подворье.

Отцу Меркурию хотелось знать, каков был на самом деле его предшественник. «Славянин древнего рода, обучался в Константинополе, да где! В Патриаршей школе и в Магнавре, в вере стоял твёрдо, сердцем горел, как воину Христову и надлежит, в схватке один на один поверг колдунью и вырвал из тенет дьявольских невинного отрока, сотнями крестил язычни-



ков», – об этом поведали ему в Турове, где отцу Меркурию пришлось обретаться аж с мая месяца, ожидая решения о своем назначении. Правда, там случались и другие разговоры, полные туманных намёков и прямых приказов...

\* \* \*

После представления епископу и беседы с ним молчаливый и почтительный до подобострастия служка, ни о чём заранее не предупредив, привёл отца Меркурия из епископских покоев в ярко освещённую келью, поклонился чуть не до земли и исчез. Жаркий свет свечей и масляных ламп ослепил шагнувшего в него прямо из темного коридора монаха. Деревянная нога привычно нашла устойчивое положение на полу, а вот зрение никак не желало служить отцу Меркурию. Понял только, что келья велика, а изрядную часть её занимает постель с лежащим на ней человеком. Лица хозяина рассмотреть пока не удавалось, в глазах плавали цветные круги.

– Здравствуй, хилиарх, – раздался с кровати странно знакомый голос, – давно не виделись.

Вот уж кого не ждал тут встретить бывший первый сотник тяжелой пехоты базилевса, так это друнгария арифм Георгия. Конечно, он слышал краем уха, что тот за участие в очередном заговоре против Алексея Комнина пострижен в монахи и, по слухам, будто бы ослеплен, но что их пути когда-нибудь пересекутся, да еще здесь, в далекой Скифии – даже и предположить не мог... Кого поддерживал тогда Георгий: сродственников ему Дук, Диогенов, Гаврасов, Палеологов, или базилевс просто решил избавиться от неблагонадежного и амбициозного командира гвардейской тагмы, хилиарх Макарий не знал и знать не хотел. К тому времени он, как и многие другие увечные воины, принял постриг в монастыре святого Георгия и стал братом Меркурием...

– Здравствуй, друнгарий, – как ни велико оказалось потрясение, но бывшего хилиарха четвертой таксиархии «Жаворонков» Макария сбить с ног было не так-то просто, во всех смыслах.

– Ну теперь не друнгарий, а брат Илларион, – насмешливо раздалось в ответ.

Зрение наконец вернулось, и только тут гость смог разглядеть своего собеседника. Из клубка повязок на него смотрело знакомое хищное лицо. И хотя истерзанный увечьями калека мало напоминал бывшего циничного красавца, с одинаковой лёгкостью игравшего женскими сердцами, алчностью и честолюбием сановников, чёрной злобой и властолюбием евнухов гинекея, жизнью солдат и своей собственной, отец Меркурий не мог его не узнать. За годы, что они не виделись, на этом лице появились морщины, кожа побледнела, но глаза, холодные и жестокие, не изменились. Жажда власти светилась в них ещё сильнее, чем раньше. Власть явной и тайной. Власть любой ценой!

– Как видишь, оба мы теперь служители Божьи: ты отец Меркурий, будущий настоятель храма в скифских лесах, а я смиренный брат Илларион, граматевс<sup>17</sup> епископа Туровского, – продолжил меж тем собеседник, – и оба не по своей воле. Только тебя в монахи определили сельджуки, а меня всемилостивейший базилевс Алексей, царствие ему небесное.

Вот теперь кое-что прояснилось. О подвиге брата Иллариона, получившего увечье от подлых язычников, когда он нес им в глушь и тьму лесов свет христианства, отец Меркурий уже наслушался, а потому быстро нашелся с ответом.

И хотя не допустил при этом ни голосом, ни выражением лица и тени насмешки, не смог совсем уж удержаться от некоторой двусмысленности.

---

<sup>17</sup> Граматевс (ср. и др. – греч.) – секретарь.

– Что ж, я рад встрече, брат Илларион, и молюсь о твоём избавлении от телесной немощи. Я слышал, что увечье своё ты получил, огнём и мечом искореняя языческую мерзость? Это дело богоугодное и для тебя не новое.

– Да, хилиарх, язык твой – враг твой, – усмехнулся Илларион, вполне уловив намек в словах собеседника. – Присядь, нечего изображать статую на ипподроме.

Отец Меркурий пересёк келью и опустился на лавку так, чтобы раненому было удобно на него смотреть. Он уже успел понять, что же случилось с его собеседником. Крепки оказались язычники, раз сумели сломать спину командиру двух сотен катафрактов здешнего властителя. Однако коли не умер сразу, то может и встать со временем, всякое бывало – такие мысли посетили между делом голову бывшего сотника, а Илларион, дождавшись, пока отец Меркурий усядется, продолжил:

– По талантам своим и храбрости ты мог бы стать таксиархом, и кто знает, может, закончить свою жизнь domestikом схол Востока или Запада. Паренёк, в шестнадцать лет вставший в строй, а в восемнадцать уже произведённый в декархи и отмеченный золотой похвалой, способен на многое. И командиром лоха ты стал быстро, только вот беда – в этом чине и застрял. Не любят стратеги, когда пехотный лохаг оказывается прав, не любят... Чтобы забраться наверх, приходится время от времени лизать чью-то задницу. А ты эту истину так и не понял, брат-солдат.

Слова бывшего друнгария лились спокойно и неторопливо, но каждое жгло не хуже калёного железа. Илларион умел бить по больному.

– Я ведь всегда присматривался к тебе, с тех самых пор, как мы шатались по самым тёмным и вонючим дырам, которые для нас умудрились отыскать наш всемилостивейший базилевс и его стратеги, – и я знаю, кто на самом деле командовал «Жаворонками» после гибели таксиарха Николая.

Ты думаешь, почему моя тагма так часто оказывалась рядом с «Жаворонками»? Друнгарий арифм легко может шепнуть кое-что на ушко domestikу схол, а если повезёт, то и базилевсу. Не подумай, что я хочу сказать, будто чином хилиарха ты обязан мне, нет, ты стал им сам. Но у тебя нашлись влиятельные недоброжелатели. Именно недоброжелатели; были бы они врагами, ты бы давно стал падалью на обочине дороги или развлёк зрелищем своей смерти толпу на Месе.

– Зачем ты говоришь мне это, брат Илларион? И не боишься ли ты, что о твоих словах узнает хотя бы епископ? – В монастыре святого Георгия, что во Влахернах, бывший хилиарх хорошо научился играть словами и скрывать свои настоящие мысли, но иногда прямока оказывалась лучшим оружием.

– Нет, не боюсь, – ответил епископский секретарь. – У Комнинов руки длинные, но не настолько, чтобы дотянуться до меня тут. Да и что можно найти в моих словах? Только то, что я тайно покровительствовал хорошему солдату и верному слуге базилевса. Не думаю, что даже друнгарий виглы способен найти тут какую-то вину. Кроме того, брат-солдат, я бы не сказал тебе этого, если бы не был в тебе уверен.

В келье стало тихо. Илларион молчал, давая своему собеседнику осознать услышанное, а отец Меркурий ждал продолжения. Несколько долгих мгновений собеседники молча смотрели друг на друга. Первым нарушил молчание хозяин.

– А вот вопрос «зачем» куда более важен... – Положение примотанного бинтами к доске тела не изменилось, но Илларион весь как будто подобрался, а лицом снова стал донельзя похож на хищную птицу.

– И что же ты ответишь мне на этот вопрос? – отцу Меркурию с трудом удалось сохранить выражение спокойствия и безразличия.

– Не будь нетерпелив, мой брат во Христе, – усмехнулся Илларион, не обманувшийся видимым равнодушием собеседника. – Я отвечаю, но сначала ты ответишь мне. Согласен?

– Согласен. Спрашивай.

– Вот и хорошо. Скажи, для чего мы вместе глотали пыль в Фиргии, Киликии, Фракии и ещё чёрт знает где?

Для чего сражались в десятке крупных битв и осад, а стычкам давно потеряли счёт? Зачем мы голодали, загаживали своим помётом, частенько кровавым, обочины тысяч дорог и троп, да отмывали задницы от дерьма после боя, за что ты потерял ногу и положил своих верных «Жаворонков» под Поливотом, а, брат-ромей?

– Единая вера, единая мера, единая империя! Един Бог на небе – один базилевс на земле! – как будто кто-то другой произнёс за отца Меркурия эти слова. Для него они значили всё: белённый известью дом под красной черепичной крышей, где он родился и вырос, маленький виноградник, клочок каменистой земли, старые оливы, синеву Пропонтиды<sup>18</sup>, маленькую церковь святого Георгия, громаду города на севере, соседей, друзей, товарищей, с которыми он двадцать лет стоял плечом к плечу в строю, сказки, которые когда-то рассказывала ему мама, всё, что было ему дорого, и всё, за что не жаль отдать свою жизнь. Казалось, он давно забыл их в сонном болоте монастыря, где чтит несколько иные догмы, но, как выяснилось, они только ждали своего часа...

– Верно! Так должно быть, и так когда-то было. Но сейчас стало по-другому. Нас заставляли воевать за Комнинов, за великого логофета, за то, что латиняне хозяйничают на землях империи, а Комнины отдают им всё: земли империи, власть, золото веру, всё... И ведь они ещё ничего – вспомни Никифора Вотаниата<sup>19</sup>, который отдал варварам всю Малую Азию! И что, мы воевали за них?! Нет, хилиарх, за своих товарищей, за семью, за тот клочок земли за длинными стенами, где стоит твой домик... Где сейчас твой дом, хилиарх?! Где твоя семья?! – Голос Иллариона взлетел чуть не до крика. – Их нет, венецианские наёмники убили их, сожгли твой дом, пока ты воевал с турками. А кто привёл их на священные земли империи? Комнины!

– Вот ты и сказал то, что заинтересует друнгария виглы, брат мой, – ответ отца Меркурия прозвучал спокойно, вот только чего стоило ему это спокойствие! – Но ты прав, я не доносчик. Ты не был бы собой, друнгарий, если бы откровенничал со мной, не зная точно, что я не донесу. – Меркурий чуть помедлил и решительно взглянул в глаза собеседника. – Ты прав: за что мы должны были сражаться и за что сражались на самом деле – совсем разные вещи, – язык его произносил эти слова, а душа корчилась в адском пламени. Хотелось схватиться за меч, убивать, душить, рвать зубами, вот только кого?

*«Елена, Николай и Маврикий, мама – их нет и больше никогда не будет, на месте дома – давно остывшее и, наверное, застроенное новыми хозяевами пепелище. Что толку с того, что убийц потом покарали...»*

*Их смерть никого не воскресила! Да, нанял венецианцев базилевс Алексей, но где была гвардия? Почему пьяным наёмникам позволили бесчинствовать? А может, кому-то было выгодно, чтобы венецианцы резвились именно там? Не договариваешь ты, друнгарий, не договариваешь...»*

Вслух, однако, ничего не произнёс и продолжил разговор, загнав боль так глубоко, как только смог:

– И правду сказал о том, кто в этом виноват. Я ведь тоже присматривался к тебе, друнгарий. И видел, что не просто так ты больше времени проводишь на войне, чем в Палатии. А также помню историю Иоанна Цимисхия и Никифора Фоки.

---

<sup>18</sup> Пропонтида – Мраморное море.

<sup>19</sup> Никифор Вотаниат – византийский император (1078–1081). Представитель малоазийской землевладельческой знати. Будучи стратигом одной из фем (Анатолик), поднял мятеж против Михаила VII Дуки и сам стал императором. Борясь за власть, вступил в союз с турками-сельджуками, чем облегчил им завоевание Каппадокии, Киликии, Исаурии и основание султаната Рум (1080). При Никифоре III Вотаниате резко обострилось соперничество, между малоазийской и европейской военной знатью Византии. Низложенный Алексеем I Комниным, принял монашество.

– Да, я не ошибся в тебе, – Илларион слабо и осторожно покивал головой: большего ему не позволяли повязки, – только я стараюсь не для себя, а для законного базилевса Никифора Дуки<sup>20</sup>, веры и империи.

– Согласен, империи нужен новый базилевс, молодой и энергичный, способный вернуть её былое величие, – отец Меркурий говорил то, что от него и хотели сейчас услышать, но думал о другом.

*«Ну, Георгий, всё очень просто: посадить на трон слабовольного мальчишку, а самому править из-за его спины... Дальнейшее известно и случалось не один раз в палатийском змеюшнике – в одно прекрасное утро базилевс Никифор проснётся отдельно от головы, а на троне будет сидеть базилевс Георгий».*

Впрочем, обмануть опытного интригана ему не удалось.

– Не прикидывайся идиотом, хилиарх, я не потратил бы три года жизни, чтобы затащить сюда недоумка. Ты не хуже меня знаешь, что мой дальний родич Никифор Дука сопляк и тряпка, если на то пошло, ныне царствующий Иоанн Комнин и его сын Алексей куда лучше! За душой у Никифора нет ничего, кроме самомнения, похоти и стремления к удовольствиям. За него будет править тот, кто посадит его на трон. Не скрою, когда-то я сам мечтал стать базилевсом, но теперь понял свою ошибку. Да и какой из меня базилевс? Я монах, а теперь и калека. Неизвестно, смогу ли я когда-нибудь ходить, – лицо Иллариона оставалось спокойным, голос звучал ровно и уверенно. Казалось, он воспринимал своё увечье как досадную, но не слишком важную помеху своим планам. – Да, раньше я любил ликующие толпы, приветствующие меня, но теперь поумнел и смогу обойтись без этого. Но доживать свою жизнь безногим калекой в монастырской келье я точно не хочу. Я предлагаю тебе, хилиарх Макарий, не просто заменить одного базилевса на другого, да отсюда этого и не сделаешь, – криво усмехнулся Илларион.

Неожиданно голос бывшего друнгария окреп. Келью заполнил уже не шёпот страдающего от телесной немощи монаха. Нет, от стен, потолка, даже от пола кельи отражался голос стоящего на кафизме императора!

– Христос Пантократор! Я предлагаю тебе большее. Ты можешь встать у истоков силы, которая спасёт империю, укрепит и защитит веру и даст в руки тем, кто создаст её огромную власть. Власть, о которой базилевсы могут только мечтать! – Глаза у Иллариона сияли, лицо покрыл лихорадочный румянец.

Отец Меркурий понял, что слышит сейчас сокровенные мысли бывшего друнгария. Он не прятался больше за недомолвки и полунамёки. Видимо, все случившееся с ним здесь заставило Иллариона пустить коней галопом. Секретарь заштатного епископа из затерянной в скифских лесах епархии шёл напролом, не тратя времени и сил на хождение вокруг да около, он позволил себе быть откровенным. Или счел, что так скорее и вернее достигнет желаемого.

– Эта сила сможет менять базилевсов и патриархов в случае нужды, эта сила сможет восстановить величие империи и веры! Она будет хранить империю и церковь, пресекать ошибки, бороться с ересями, держать в повиновении и знать и чернь!

– И во главе этой силы ты? – отец Меркурий не столько задавал вопрос, сколько утверждал очевидное.

– Да, я, – просто ответил Илларион. – Может, у тебя на примете есть кто-то получше, а, хилиарх?

– Да нет, – Меркурий позволил себе слегка скривить губы в подобии ироничной усмешки. – По крайней мере, никого, кому бы пришла в голову идея создать что-то, способное менять базилевсов по своей воле, я не знаю. Все как-то хотят сами усесться на трон. В том,

---

<sup>20</sup> Никифора Дуку автор просто выдумал, впрочем, не сильно погрешив при этом против истины. Любой представитель высшей византийской знати стремился усесться на трон базилевса и неустанно интриговал ради этого. Что уж говорить о представителе рода, который 18 лет занимал императорский престол.

что ты представляешь, что делаешь, я тоже не сомневаюсь. – Странно, но отставной хилиарх вдруг начал относиться к этому разговору, как к диспуту, упражнению в логике. – Но ты еще не сказал мне, что это за сила, и как можно создать её тут, в Скифии?

– Мы с тобой были ещё молоды, брат-солдат, когда воевали в Киликии против Боэмунда и его франков, но именно там я впервые об этом задумался, – продолжил тем временем Илларион. – Ты помнишь франкских катафрактов, одетых в чёрные туники с белыми крестами поверх доспехов? Тех, что прикрывали бегство франков при Диррахии?

– Помню. – Перед отцом Меркурием как наяву встали полсотни чёрных катафрактов на вороных конях, бросившихся в самоубийственную атаку на пять полных тагм имперской кавалерии и polegших в этой схватке до последнего человека. – Они дорого продали свою жизнь и такой ценой дали всему этому варварскому сброду убраться в свой лагерь. Они были солдатами!

– Подай воды, брат-солдат, сам я напиться не способен, – в голосе Иллариона звякнул металл.

– Сейчас, друнгарий! – Солдат в отце Меркурии откликнулся на эту просьбу – приказ быстрее разума. Нельзя отказать в помощи раненому, даже чужому. Можно милосердным ударом избавить от мучений и тем оказать воину последнюю почесть, но отказать в просьбе – никогда. Этому его учил ещё отец.

Поить раненого из покрытого затейливой резьбой деревянного ковшика оказалось весьма удобно. Бывший друнгарий пил жадно, крупными глотками. Напившись, он откинулся на тонкую подушку. На лбу выступили капельки пота.

– Спасибо, брат-солдат, – кивнул Илларион и, дождавшись, когда отец Меркурий вновь утвердится на лавке, продолжил:

– Да, они умерли достойно! Но разве тебе не интересно, кто они такие? – В голосе Иллариона прорезалась усмешка. – Ты не задумался, почему одни варвары-франки бежали, а другие, жертвуя собой, прикрывали их бегство? И почему они одевались, подобно нашим катафрактам, в одинаковые плащи и туники?

– Нет, друнгарий, не задумался. Как-то было не до того. Ты же помнишь, «Жаворонкам» тогда здорово досталось...

– Помню... – Раненый с легким вздохом опустил веки. Потом открыл глаза и прямо взглянул в лицо собеседнику. – Ну, если не задумался тогда, задумайся теперь, хилиарх. В тот раз ты видел, как сражаются и умирают рыцари ордена святого Иоанна Крестителя, монахи-воины... Они подчиняются только отступнику-папе и своим командирам. И, опираясь на них, отступник римский может разговаривать с варварскими цезарями на равных. – Илларион поморщился.

– А теперь подумай, хилиарх, что случилось бы, если бы православная церковь имела такой орден, такое братство?! Ты же немало знаешь о Спарте, брат-солдат, немало знаешь о равных... А теперь представь православных равных, но не отягощённых ни семьей, ни имуществом, спаянных железной дисциплиной, отдающих всё своё время войне, молитве и воинскому обучению. Никаких обязанностей, кроме войны во славу Господа и империи... – бывший друнгарий тяжело сглотнул. – Какая это будет сила! Кто сможет противостоять им? И какую власть обретут те, кто встанет во главе их? Смогут ли тогда патриарх исказить веру, базилевс разрушать империю и уклоняться в латинскую ересь, а прониары рвать себе куски пожирнее? Смогут ли поднять голову ереси? Смогут ли папские ублюдки, варвары и язычники хозяйничать на имперской земле?! – Казалось, Иллариона не удержит даже доска, к которой его примотали, так сильно и уверенно звучал теперь его голос. – Кто сможет нанести вред Церкви и Империи, когда у них будет такой страж?!

Отцу Меркурию в какой-то момент даже почудилось, что на лице его собеседника остались одни глаза.

– Никто не сможет! – Илларион остановился и нервно сглотнул.

– А почему ты мне рассказываешь об этом здесь и сейчас? – этот вопрос бывший хилиарх задал вполне искренне.

– Ты ведь тоже не готов довольствоваться всего лишь монашеским клобуком и смиренно пасти овец Божьих – слишком хорошо я тебя знаю! Именно здесь и сейчас мы с тобой и начнём создавать наш орден! Орден Михаила Архангела! Сам архистратиг небесных сил бесплотных поведёт нас во славу империи! Мы станем его огненным мечом, и этот меч своим священным пламенем сначала очистит империю от скверны, предательства, ереси и слабости, а потом сотрёт с лица земли всех её врагов! Как один Бог на небе, так и на земле будет один базилевс, одна империя, на страже которой будет до скончания веков стоять орден Михаила Архангела!

– Я ещё не согласился, друнгарий! – ответ отца Меркурия прозвучал чётко.

– Ты согласишься, оплитарх ордена! согласишься! Потому что сам господь ведёт меня! – Нет, Илларион не бредил, как сначала показалось его собеседнику. – Этой весной мне было знамение!

– Знамение?! – Тут отец Меркурий в очередной раз поразился сверх меры. Дело пахло уже не подземными нумерами Буколеона и не Месой, а патриаршим судом и костром. И никакое увещье от этого не спасет...

*«Ничего себе! А не попало ли от язычников моему старому знакомому ещё и по голове? Во что он решил меня втянуть? И ведь это уже не в первый раз, Георгий и раньше делал мне интересные налёты. Но сегодня он прёт напролом. Оплитарх – главнокомандующий пехотой, ставки-то на этот раз больно уж высоки... Но знамение? Прости меня, Господи, в последние годы ты что-то не часто посылаешь знамения своим детям, однако шутить с такими вещами слишком даже для друнгария. Значит, он или сам в это верит, или хочет, чтобы поверил я. Ну что ж, старайся, Георгий, а я послушаю!»*

– Да, знамение! – решительно, как гвоздь забил, продолжил Илларион. – Слушай меня, брат Меркурий! Этой весной, перед самым началом великого поста, сюда приехал сотник катафрактов архонта, или, как тут говорят, князя Вячеслава.

– А при чём тут этот несомненно достойный муж? – Меркурий пожал плечами, не скрывая своего недоумения.

*«Какой-то скифский кентарх (или как он тут называется) вряд ли сможет стать силой, способной хоть как-то повлиять на дела империи. И при чём тут знамение?»*

Илларион, не обращая внимания на жест собеседника, спокойно продолжал рассказывать.

– Этот достойный муж потерял ногу в сражении с половцами, и, само собой, нашлись желающие занять его место, но кентарх Кирилл оказался далеко не дураком. Да и трудно ждать глупости от человека, сумевшего жениться на внебрачной дочери своего князя... Не нынешнего, Вячеслава, а предыдущего – Святополка, – счел нужным пояснить Илларион, отвечая на удивление в глазах Меркурия. – Так что наш сотник – родич опальной ветви здешнего правящего рода. Но дело не в этом. Сотню, которой ныне командует Кирилл, больше ста лет назад отправили в самый глухой угол здешних земель, чтобы мечом нести язычникам слово Божье. Пока у них это получается, но и это не главное.

*«Интересно, а что же тогда главное? Ты же ведь не просто так рассказываешь мне о скифском сотнике. Не спорю, возможно, он смел, ловок, удачлив, похоже, далеко не дурак, но в делах империи кентарх здешних катафрактов, будь он хоть трижды родственник правящей тут династии, не значит ничего – песчинка. Однако мой старый знакомый никогда ничего не говорит просто так. Послушаем».*

– Кирилл прекрасно понимал, что должен произвести на князя впечатление, и для этого взял с собой внуков, из которых особенно выделяется старший.

– А при чём тут внуки? Неужто князь столь чадолюбив? – Меркурий позволил себе усмехнуться. Впрочем, он искренне не усматривал связи между необходимостью старому увещать

воину убедить архонта в своей полезности и его внуками, будь они хоть сколько угодно многочисленными и смышленными, не говоря уж об отношении всего этого к ранее сказанному.

– Наберись терпения, будущий оплитарх, – усмехнулся Илларион, – терпение тебе понадобится. – Важны не все внуки, а только тот, самый старший – Михаил. Хоть и было ему тогда всего тринадцать лет, именно он смог произвести впечатление на князя, да как! Ему пришлось в голову показывать представления, вроде тех, что устраивают бродячие акробаты в империи, или того, как демонстрируют выучку схоластики и эскувиторы на ипподроме. В империи к такому привыкли, а тут это стало делом невиданным. Словом, через несколько дней о них судачил весь город.

– И что из того? – Отец Меркурий попытался замаскировать интерес сомнением. – Парнишка неплохо заработал. Ты обещал мне рассказать о знамении.

– Будет тебе и знамение, оплитарх. – Илларион стал очень серьёзен. – Владыка послал меня проверить, не скрывается ли в этих представлениях языческая мерзость. Я не без интереса посмотрел действо, а потом имел с Михаилом долгую беседу. Он необычный отрок, весьма необычный, особенно для мальчишки, родившегося и выросшего в скифской глуши.

– И что же тебе сказал сей необычный отрок? – отец Меркурий не смог удержаться от прямого вопроса.

– Его ответ поразил меня. В том числе и разумностью и ученостью, кою трудно ожидать в отроке из столь глухого уголка Скифии, но главное – тем, что именно он сказал. Потому я и запомнил всё почти дословно, так что – суди сам. Илларион прикрыл глаза и не сказал, а чётко продекламировал:

– «Я, отче, восьмое колено воинского рода, потому и мыслю как воин... В войске крестоносцев, которое Гроб Господень освободило, многие рыцари пожелали служить Господу, но с оружием расставаться не захотели. Так появились рыцарские ордена, которые никому, кроме Папы римского, не подчиняются. Страшная сила в руке католической церкви. Вот бы и православной церкви такой иметь. Можно было бы и княжеские усобицы пресечь, и драчливых соседей образумить, и новые земли под руку истинной веры привести».

Ничего удивительного, что Илларион запомнил эту встречу: слова неведомого скифского отрока потрясли и отца Меркурия. Пожалуй, схожие ощущения испытал когда-то лохаг Макарий, получив по башке болгарской булавой. Окружающий мир утратил чёткость и поплыл, в ушах шумело... Только, в отличие от той стычки, свет в глазах не померк и мысли не пропали. Наоборот, они принялись скакать подобно голодным блохам в казарме:

*«Как?! Как такое могло прийти в голову тринадцатилетнего сопляка, ничего не видевшего в жизни, кроме своих лесов? Чёрт меня возьми, прости господи! Лучшие мужи империи не смогли прийти к этой мысли, только Илларион – Георгий, этот хищный властолюбец, додумался. И то через полтора десятка лет размышлений... У самих франков этих орденов всего один или два, как я слышал, и они только становятся на ноги. А тут... Так не бывает... В таком возрасте думают не о судьбах мира, а о том, как добиться доступа к πορνεί<sup>21</sup> подружки... Несомненно, кто-то внушил мальчишке эту мысль, но вот кто?»*

*Его дед? Возможно, но тогда он бы заговорил об этом сам... А что, если незнакомый мне скифский кентарх куда хитрее, чем кажется на первый взгляд? Тогда он мог научить внука тому, что и кому следует сказать. Какой спрос с парнишки в случае неудачи? Может быть и так... Судя по всему, этот кентарх не падал на обочине дороги и отлично знает, что не стоит совать голову в пасть живого льва... Жениться на женищине из рода цезарей, пусть и внебрачной дочери, и остаться после этого в живых способен не каждый. И повод попасться на глаза и архонту и епископу он придумал необычный, но действенный. Очень действенный,*

---

<sup>21</sup> Грубое греческое ругательство, обозначающее женский половой орган.

*и при этом не вызывающий подозрений... Да, этот сотник Кирилл совсем не прост... Вопрос в том, откуда об этом мог знать он сам?*

*Приехал, называется, к неисторченным палатийскими нравами варварам... Это тебе не трепаться о политике возле лагерного костра или в винном погребке и даже не сторониться заговоров, в которые тебя пытались когда-то втянуть из-за пяти сотен гоплитов, что были под твоей рукой... Тот же Георгий и пытался.*

*Но если предположить, что дед не вкладывал свои мысли в голову внука, а только использовал его выучку для того чтобы самому попасться на глаза властям предержащим? Тогда выходит, что эти мысли в голову отрока вложил кто-то другой. Кто?*

*В селе тех, кто посвятил свою жизнь защите веры, обязательно есть священник... Маловероятно. Каким бы ни был этот священник, ему нет нужды задумываться о таких вещах. Не лишённый же сана митрополит у них там, в самом деле...*

*Не митрополит... Но ордена только зарождаются... Макарий, ты осёл! Парень говорил об орденах как о чём-то давно существующем, а они ещё не отучились гадить под себя и сосать титьку!*

*Кто мог рассказать мальчишке такое?! Или Господь, или сатана! Но зачем врагу рода человеческого давать в руки Церкви разящий меч против себя? А что, если это не меч, а отравленный кинжал евнуха из стражи базилисы? Тот самый, у которого два острия, направленные в разные стороны от одной рукоятки... Вон как друнгарий заговорил о власти. Возмечтал стать выше базилевса и патриарха... И ведь это возможно, ещё как возможно! Но если во главе этой силы станет человек, для которого благо империи превыше всего? Тогда империя действительно способна восстать из пепла... Пути Господни неисповедимы... Господи, дай мне мудрости познать волю твою! Дай мне сил творить её к вящей славе Твоей!»*

– О чём задумался, оплитарх? – голос Иллариона вернул отца Меркурия к реальности. – Впрочем, не отвечай – я вижу по твоему лицу о чём. Такие мысли посещали и меня после разговора с отроком Михаилом.

Отец Меркурий уставился на собеседника в немом удивлении.

– Не смотри на меня так, брат-солдат и брат мой во Христе. Нельзя не сомневаться когда Господь испытывает нас! Я знаю, какие вопросы ты хочешь мне задать, и отвечу на них. Это нетрудно, оплитарх, после того как сам прошёл тот же путь. Слушай: ты хочешь знать, кто вложил такие мысли в голову отроку Михаилу? Я отвечу – Господь, Христос Пантократор, и ты сейчас поймёшь почему.

*«Не заметил, слава богу! “Я вижу, о чём ты думаешь” Я-то чуть было не поверил, что он и впрямь читает мои мысли, а он просто приписал мне свои. Теперь нужно показать сомнения, и он выложит всё!»*

– Почему? Сатана хитёр, брат Илларион.

– Хитёр, брат Меркурий, но недаром Господь дал нам разум, чтобы мы познавали волю Его и противостояли козням врага рода человеческого, так что давай рассуждать, – Илларион облизнул губы и продолжил: – На такие размышления мог натолкнуть отрока его дед, кентарх Кирилл. Это было бы ему выгодно, но я в это не верю. И знаешь почему?

Отец Меркурий только вопросительно взглянул на собеседника.

– Через несколько дней местные бродячие артисты, которых тут называют скоморохами и которых наш отрок оставил без заработка, устроили засаду на него, его братьев и моего помощника брата Феофана. Они ранили брата Феофана, но мальчишки сумели убить двух разбойников и одного ранить, а после этого кликнули стражу...

– Однако! – Меркурий удивлённо вскинул брови, – Отроки, похоже, и впрямь не простые – положить вооружённых разбойников не шутка. Интересно, каковы же тогда их отцы?

Но Илларион, увлеченный своей идеей, продолжал рассказ:



– Стража схватила татей, при обыске у них нашлись краденые вещи и колдовские предметы. Причём не для каких-нибудь любовных приворотов, а для смертного колдовства. Под пыткой раненый разбойник покался и обещал указать дорогу к языческим капищам, а два его товарища – старик и девка – только изрыгали хулу на Господа...

*«Ты веришь в колдовство?! В эту чушь? Похоже, сказки про Палатий вовсе не сказки!»*

– Что с ними стало?

– Старика и девку владыка приговорил к очищению огнём и передал в руки светской власти, а проводника я приказал повесить, когда надобность в нём отпала.

– Ты хочешь сказать, что владыка верит в такую глупость, как колдовство?!<sup>22</sup> – изумился отец Меркурий. – Это суеверие осудили лет сто тому назад!

– Владыка, конечно, болгарин и мог набраться всякой дряни у богумилов, но не думаю. Он просто решил с помпой поджарить языческого жреца. По мне так зря! Надо было тихо удавить и забыть!

– Почему? – спросил было отец Меркурий, но передумал. – Да чёрт с ними! Одни разбойники сгорели, а другой сумел взять щедрую плату за свою жизнь, но мы говорим не о них, а об отроке Михаиле и его деде.

– Я помню. Но это как раз имеет касательство к деду. Когда скоморохов сжигали, старик, сгорая, славил языческих богов. Кентарх Кирилл был среди тех, кто, стоя в толпе, подпевал ему. Мне доложили достойные доверия люди.

– Значит, он тайный язычник? – насторожился отец Меркурий.

– Здесь все тайные язычники в той или иной степени, включая и князей, – Илларион усмехнулся. – Привыкай, брат мой во Христе. Свет истинной веры борется в душах этих людей с поклонением бесам, которых они считают богами предков. Нам предстоит ещё очень много работы. Только, оплитарх, не забудь случайно, что кентарх Кирилл, или вернее называть его теперь патрикий Кирилл, воин до мозга костей. А теперь вспомни, брат-солдат, чьё благословение ты призывал на свою голову перед боем? Христа Ника или Ники Крылатой, а может быть, вообще гадал о судьбе по игральным костям и звёздам?

– Значит, патрикий Кирилл добился своего? – Бывший хилиарх счёл за лучшее проигнорировать вопрос.

– Добился. Но ведь я задавал тебе не этот вопрос, – странно, но усмешка Иллариона на сей раз была доброй. – Впрочем, можешь не отвечать, я знаю ответ. Не бойся, Господь прощает нам этот грех без покаяния за тяжесть доспехов и оружия, так же, как прощает солдатам грехи пьянства, сквернословия, обжорства и распутства, если мы совершаем их в походе.

– Даже так?

– А ты забыл? – И бывший друнгарий, к удивлению отца Меркурия, тихо пропел: – Ну что поделать, в лагерях не может жить святой!<sup>23</sup> Кроме того, патрикий Кирилл не любит священников и нас, ромеев, хотя в его благочестии и твёрдости веры никто не сомневается, – иеромонах откровенно развлекался, наблюдая недоумение отца Меркурия. – Снова скажу тебе, брат мой – это Скифия, тут возможно и не такое. Здесь одной рукой могут крестить язычников, а другой приносить жертвы какому-нибудь идолу.

– Значит, дед не мог научить внука? – не то спросил, не то подытожил отец Меркурий. – Тогда кто?

– Не спеши. Многие язычники превращались в ревностных христиан, когда вера позволяла им занять высокое положение. Блаженный Августин, помнится, сильно негодовал по

---

<sup>22</sup> Действительно в то время православная церковь в колдовство не верила и осуждала это суеверие. Чудеса случаются лишь особым Божиим соизволением, а силы зла действуют только человеческими руками через смущение человеческого разума – такова была официальная доктрина.

<sup>23</sup> Автор вложил в уста Иллариона цитату из стихотворения Редьярда Киплинга «Томми Аткинс». На взгляд автора, эти слова были и будут справедливы как в начале XX века, когда были написаны, так и в XII веке. Да и в XXI они явно не устарели.

этому поводу. А язычество кентарх Кирилл, несмотря на свои истинные убеждения и мысли, искореняет весьма успешно. Вот только о рыцарских орденах он сам узнал от внука. Однако есть ещё один человек, который мог просветить нашего отрока, – усмехнулся Илларион.

*«Ничего себе, попал, называется к бесхитростным варварам. И чего стоят твои мечты о Pax Germanica или в твоём случае о Мире Скифском, которые ты лелеял, подражая Тацитту. Но кого же ещё он мне назовёт?»*

– Приходской священник села Ратное, в котором проживает наш необычный отрок. И ты думал об этом, оплитарх, – ответ оказался вполне ожидаемым.

– Тогда это должен быть незаурядный священник.

– Ты прав, иеромонах Михаил и есть весьма незаурядный священник. Таких немного даже в Константинополе. Начнём с того, что он скифский патрикий древнего рода, но этого мало, его образованием занимались в Патриаршей школе и в Магнавре, причём наставники отзывались о нём только хвалебно. Но это человек, искренне горящий верой, и именно поэтому он не мог натолкнуть своего ученика на мысли об ордене.

– Почему же? Подобная мысль достойна мужа столь высокого происхождения и столь блестящей учёности.

– Наш брат во Христе Михаил не знает и не понимает воинов. – Отец Меркурий ожидал любого ответа, только не того, который услышал. – Он живет среди них, но в глубине души своей считает зверями, которых следует обуздать христианским смирением. Вот он и обуздывает, не замечая, что тем самым убивает их. Нет-нет, я не хочу сказать, что отец Михаил плох как священник, – ответ епископского секретаря предвосхитил вопрос, повисший на языке у отца Меркурия. – Как священник он очень хорош, но он не на своём месте. Паства уважает его, особенно за школу, в которой он обучает детей стратиотов, и хорошо обучает, да и в глубине и искренности его веры никто не сомневается, только вот, сдается мне, что к уважению этому примешивается изрядная доля снисходительной жалости. Для них он блаженный...

– И на основании этого ты делаешь вывод, что отец Михаил не мог прийти к мысли об ордене?

– Именно! Он не понимает, как можно нести Божье слово мечом! Отец Михаил, не дрогнув, благословит воинов на разгром языческого капища, но в глубине души содрогнется от ужаса и омерзения перед зверствами, которые при этом будут твориться. Идея ордена никогда не придет ему в голову, а ведь Господь наш сказал: «Не мир я принёс, но меч!» И не только о мече духовном говорил Господь!

– Ты хочешь сказать, что он не понимает этого?

– Понимает, но только разумом. Сердце же его противиться этому. Он считает, что можно обойтись без меча... Это наивно, но отцу Михаилу кажется, что Божьим словом можно превратить всех людей в кротких овец. Вот только овцы не создают и не сохраняют империй. Овец можно только резать или стричь!

Выдержка отца Меркурия дала трещину. Совсем небольшую. Не то чтобы старый солдат не разделял мнения своего собеседника об обывателях, но нельзя же так – всех под одну гребёнку и в руки стригали! Ему впервые за время этого разговора до чесотки захотелось спорить и возражать. Горячо и искренне, как в молодости. Чем бывший хилиарх выдал себя: движением бровей, выражением глаз, положением тела? Но от Иллариона это не укрылось.

– Молчи! Да, большинство людей действительно овцы, но этому стаду нужны не только кроткие пастыри, но и суровые пастухи, а пастухам – овчарки! И где-то в глубине души отец Михаил это понимает, только вот он не любит нас, ромеев, и уж пастухами и овчарками точно не желает видеть!

– А орден и должен ими стать?

– Верно! Ты идёшь моим путём, оплитарх... И теперь ты понимаешь, почему я не могу дать отцу Михаилу превратить будущих овчарок в овец. Мне нужна неоскоплённая сотня кентарха Кирилла!

– Так значит, орден будет не только ромейским?

– Почему же? Именно ромейским. Империя давно нуждается в притоке свежей крови, а любой принявший истинную веру рано или поздно станет ромеем. А орден поможет им в этом. Так что мне нет дела до крови члена нашего братства, мне важна его вера!

Отца Меркурия одновременно возмущала и восхищала страшная логика Иллариона, только что доведшего до логического конца дело патриарха Мены и безжалостно превратившего слово Божье в инструмент своей личной власти. Вообще этот разговор заставил взглянуть на бывшего друнгария арифм по-новому. Нет, хилиарх Макарий никогда не обманывался насчёт друнгария Георгия. Он давно понял, что этим блестящим катафрактом движет в жизни одна страсть – всепожирающее неутолимое властолюбие. Достижению власти он приносил в жертву всё: незаурядный ум, железную волю, талант, храбрость, свою любовь, свою честь и верность... Что уж говорить о такой мелочи, как жизни солдат...

Но вместе с тем и не восхищаться им Меркурий не мог. Георгий в самом деле был чертовски хорошим солдатом. Он не щадил себя, его белый плащ всегда развевался впереди, на острие атаки, а отходил друнгарий последним. Военная удача любила его. За ним шли охотно, повиновались с радостью, и он отвечал солдатам любовью и заботой, пока не приходила нужда принести их в жертву. А на место погибших, привлечённые блеском смельчака патрикия, приходили новые...

«Солдат, не спрашивай, зачем...» Среди стратиотов эта присказка ходила испокон веку... Сам Макарий, тогда ещё зелёный новобранец, осознал в своём первом бою, что его в любой момент могут послать на верную смерть, чтобы такой ценой вырвать победу. Как в шахматной игре жертвуют пешку, чтобы поймать противника в ловушку. Ну а если пешкой выпало быть тебе – такова твоя судьба, солдат...

Надейся на то, что стратиг, посылающий тебя на смерть, знает что делает, и исполняй свой долг...

Только друнгарий Георгий приносил жертву не столько империи, сколько себе. Он любил своё отечество любовью собственника, великая империя требовалась ему для себя, ведь мало радости властвовать в убогом и беспомощном государстве, ставшем лишь тенью былой империи... Увы, понимание этого пришло к Макарию не сразу, а ко многим не придёт уже никогда. Понадобилась смерть многих товарищей, гибель семьи, чтобы начать думать, начать отличать вождя и командира от чудовища, пожирающего тех, кто ему доверился.

Солдат странное существо, в нём гармонично уживается проницательность философа и наивность младенца, и ты сам не знаешь, кем окажешься в следующий момент... Солдат честолюбив, без честолюбия не бывает воина, а тем более стратига, но где грань между честолюбием и властолюбием? Как отличить, когда тобой жертвуют ради империи, а когда – ради личных амбиций? Для солдата нет ответа на этот вопрос. Присягают один раз, а, присягнув, идут до конца...

Хилиарх Макарий понял это и принял как есть, смирился. Кто сказал, что этот мир справедлив? Есть империя, есть вера, и она освящает присягу, приносимую империи. Именно империи, не базилевсу... А Илларион нашёл способ послать на закланье в храме своего властолюбия и империю, и веру...

А теперь этот демон предлагает ему встать рядом с собой?! Нет!

К счастью, опыт оказался сильнее эмоций.

*«Стой, дурак! – грянуло в голове. – Если ты сейчас гордо откажешься, то живым отсюда уже не выйдешь! Тебе и так повезло, что Илларион захвачен своими фантазиями,*

*уверен в тебе и поставил всё на кон, а то ты уже был бы трупом». – Логика вступила в свои права, отгесняя возбуждение. – И хорошо, что ты не согласился сразу, а высказал сомнения. Этот *πούβτης* убеждает тебя, ты ему нужен. Ну что ж, я сам себе нужен, должен же кто-то разобратся, что этот мерзавец затеял на сей раз, а для этого желательно оставаться живым. Теперь аккуратно, как тогда в этом чёртовом скальном городе, где ловушка была на ловушке... Он должен поверить!»*

– Ты идешь моим путём, – повторил Илларион, по-своему истолковав молчание отца Меркурия.

– Ты прав, я иду твоим путём, но конца пути пока не видно. – Ответ, видимо, понравился иеромонаху, он удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Разумеется, я ещё не убедил тебя. Ты не был бы тем упрямым Макарием, которого я знал, если бы согласился сразу. Да я и не стал бы тогда тебе ничего предлагать. Ни мне, ни ордену, ни империи бесхребетные тряпки не нужны. Но ты согласишься, обязательно согласишься и выйдешь отсюда навсегда принадлежащим мне и нашему делу.

– А если нет, то и не выйду? – бывший хилиарх играл с огнём, но эта игра давно была ему привычна.

– Может быть, и выйдешь... – усмехнулся Илларион. – Кто тебе поверит? Здесь нет друнгария виглы и его соглядатаев. А местным князьям палатийские дела интересны куда менее собственных. Но я не собираюсь угрожать тебе. Ты не из тех, кого можно запугать или купить. Так что остаётся только убедить. Спрашивай.

– А не мог ли наш отрок узнать об орденах из книг? У отца Михаила должна быть немалая библиотека, а отрок Михаил наверняка выучился читать и понимать прочитанное, да и думать его два таких наставника, вероятно, научили.

– А ты что-нибудь читал о франкских рыцарских орденах? – насмешливо вскинул брови Илларион. И припечатал, отвечая сам себе: – Ни-че-го! Меж тем в твоём распоряжении была библиотека монастыря святого Георгия во Влахернах, которая немного побольше, чем у приходского священника, и ты имел в неё свободный доступ. Ты же сам избрал своим послушанием переписывание книг, разве не так, брат Меркурий? И не ты ли частенько оказывался в монастырской темнице на хлебе и воде, за то что, зачитавшись, опаздывал на службы? Так откуда такой книге взяться у отца Михаила?

– Мальчишка знает, что они существуют. Вспомни его слова! Откуда? – отставной хилиарх понимал, что горячится, но останавливать себя не стал.

– Хм, ты прав, знать он мог. Его дядя купец, и очень непростой. Дядюшка мог услышать что-то и случайно рассказать племяннику. – Казалось, Илларион несколько обескуражен, видимо, эта мысль только что пришла ему в голову.

– Ну вот, не стоит вмешивать божественное провидение туда, где можно обойтись без него, брат мой во Христе, – бывший хилиарх не скрывал иронии. – Но Расскажи мне о купце, который знает о рыцарских орденах больше, чем выученик Магнавры.

– О, купец Никифор хитёр как лис и скользок как угорь, – улыбнулся в ответ Илларион, несколько не удивившись смене темы разговора.

– Ты знаешь других купцов? – не остался в долгу отец Меркурий.

– Да, ты прав, они все пройдохи, – опять улыбнулся епископский секретарь, – однако этот мошенник сильно выделяется на общем уровне. Для начала, он куда богаче и влиятельнее, чем кажется. И немало пошатался по свету. Но о нём мы поговорим позже, сейчас это не столь важно.

– Да, не стоит уходить в сторону.

– Не будем, нетерпеливый брат мой. Отрок Михаил, как только что мы с тобой выяснили, в лучшем случае мог что-то слышать от дяди о рыцарских орденах, но ничего не мог знать о них точно. Ты согласен?

– Согласен, друнгарий. Но сомнения по-прежнему терзают меня.

– А ты ведь в душе уже согласился, и только твоё ослиное упрямство не даёт тебе сказать об этом вслух. Ты всегда был упрямее мула, Макарий, в этом и твоё достоинство, и твой недостаток. Впрочем, скорее, достоинство. Ты всегда был умён и всегда умел думать, так что твоё упрямство неизменно оставалось в подчинении у разума. Но временами ты просто несносен! – Говоря всё это, Илларион широко улыбался, – Ты хочешь знать как можно больше, чтобы принять разумом то, что уже принял душой. Что ж, я дам тебе пищу для разума!

– Ну так дай мне её наконец! – отцу Меркурию даже не пришлось изображать раздражение, – Я оценил твою лесть под маской грубости, но давай вернёмся к главному!

– Хорошо, тогда попробуй ответить мне, почему тринадцатилетний сопляк сказал мне то, что сказал? Он ведь первый начал этот разговор, и начал его сам. Его дед был страшно удивлён, что я отослал всех, и его в том числе, когда беседовал с Михаилом. А отрок меж тем говорил обдуманно, так может говорить много видевший и понявший муж. И с кем он говорил – со мной. Не с князем, не с его боярами, не с владыкой. С единственным человеком, который тут способен это понять и оценить. Не бывает на свете таких отроков, не бывает! Тебе мало этого, оплитарх?

– Мало! Враг рода человеческого хитёр, не принимаешь ли ты дьявольские козни за божественное откровение, брат мой? – отец Меркурий сам не мог бы сказать, где в его словах кончалась игра и начиналось подлинное сомнение.

В келье повисла тишина...

*«Господи, ты не посылаешь нам непосильных испытаний, так дай мне сил с честью вынести то, что Ты мне уготовил! Дай мне мудрости прозреть замысел Твой! Не для себя прошу, Господи, для тех, кто сгинет без следа, могилы и покаяния, если я ошибусь!»* – так не по канону, но от чистого сердца мысленно обращался бывший хилиарх к своему Создателю. Но Бог хранил молчание, или не хранил, кто знает? Но откуда тогда в голове отца Меркурия появилась мысль: *«Спроси свою совесть, солдат, и поступи так, как она велит!»*

И, как когда-то в бою, решение пришло мгновенно: *«Кто-то должен остановить Иллариона и этого непонятного отрока. И этот кто-то – я!»*

Отцу Меркурию давно не приходилось принимать решения вот так – мгновенно, на инстинктах, но солдату нельзя по-другому. Когда свистят стрелы, грохочут сталкивающиеся щиты, а вражеский клинок норовит поставить в конце твоей жизни жирную точку – не до философии. Однако, как он давно убедился, принятое вот так по-боевому решение чаще всего оказывается верным, как будто разум заранее, без ведома хозяина, просчитал все возможности и выбрал наилучшую. Воин Макарий знал, а отец Меркурий вспомнил, что такому решению-озарению следует повиноваться беспрекословно, а обоснование и дополнение придёт потом, когда появится время на обдумывание. Так случилось и сейчас. Принятое решение не требовало немедленных действий, и мысли священника потекли спокойнее:

*«Нет, пожалуй, неверно, не остановить, а направить в правильное русло. Я несправедлив к тебе, Илларион. Ты действительно хочешь вернуть блеск и величие ромейской державы времён Константина и Юстиниана и готов положить жизнь ради этого. Империя и для тебя превыше всего, правда, империя во главе с тобой. Но пока меня это устраивает. А к отроку надо присмотреться. Ты видишь его орудием, которое послал тебе Бог, друнгарий. Вот только если мальчишка действительно избран Господом, то неизвестно, кто кому станет служить, а если он порождение Сатаны, то ты, Илларион, со своей мечтой о власти уже попал в его сети. В любом случае, чтобы понять это, надо быть рядом».*

– Значит, мало? Ну что ж, Фома Неверующий, вот тебе окончательное доказательство! – произнёс епископский секретарь после длительной паузы, необходимой обоим собеседникам, чтобы собраться с мыслями. – Отрок Михаил основал в своём медвежьем углу воинскую

школу, которую повелел называть Академией Михаила Архангела, причём учат там не только драться. Невиданное тут дело – внук патрикия из скифского захолустья начал учить будущих воинов семи свободным искусствам! Сразу скажу тебе, что отец Михаил к этому не причастен. В его донесении каждая строка просто вопиет об удивлении, которое вызвало у него деяние воспитанника. А теперь вспомни, кому посвящён наш орден, и ответь, нужны ли тебе ещё доказательства?

Отец Меркурий встал, шумно выдохнул, шагнул к посудине с водой, не видя, нашарил ковшик... Пил бывший хилиарх долго, одного ковшика оказалось мало, чтобы хоть немного притушить полыхавший в груди пожар. Окружающий мир исчез. Мысли, мысли, мысли... Они бились в голове так, что казалось – ещё чуть-чуть и проломают череп изнутри.

*«Да, это знамение! Только вот тебе ли, Георгий?! Ты слишком увлечён миражом собственной власти, чтобы заметить, что у тебя под носом безвестный скифский мальчишка совершил деяние, достойное императоров Старого Рима, достойное самого Константина Великого! Уже бездну лет никто, кроме базилевсов и патриархов, не основывал академий!»*

*Ясно, что не простых воинов собирается учить этот отрок. Он начал возделывать поле, на котором произрастают военачальники и государственные мужи. Прав был Константин Багрянородный – образованность есть высшая добродетель. Империи строятся мечом и пером! И это понял юнец, которому нет ещё и пятнадцати! Так что же задумал и кем станет этот мальчишка в будущем? Новым Цезарем, новым Константином или новым Атиллой, бичом Божьим?*

*Сам Господь привёл меня сюда, чтобы либо стать факелом, который будет светом веры освещать путь того, кто создаст новую империю, новый и вечный Рим, либо уничтожить нового Атиллу. Благодарю Тебя, Господи, за то, что ты дал мне испытание, достойное солдата! Благодарю Тебя за то, что и калекой я смогу служить империи до последнего вздоха! Аминь! Я принял решение. Моё место рядом с этим отроком!»*

В душе отца Меркурия росло ощущение, что исполнилось то, ради чего он и принял когда-то монашеский сан, но на что уже и не надеялся, просто следуя своему долгу. А теперь он снова стал цельным; солдат, которого сам не желая того разбудил Илларион, и священник наконец-то слились в его душе в единую сущность, родился новый человек, у которого была теперь одна страсть и одна цель в жизни – служить и созидать.

Отец Меркурий повернулся к терпеливо ожидающему его ответа Иллариону. Всплеск восторга от осознания своего предназначения прошёл, на смену озарению явился холодный расчёт. Мир вернулся на своё место. Бывший хилиарх чувствовал, что его борода и ряса на груди мокры от пролившейся воды, видел, что глаза Иллариона упёрлись в него подобно накопчикам копий, слышал, как потрескивают, сгорая, фитили свечей и масляных ламп. Мысли теперь не мешали звукам, ощущениям, запахам... Они стали другими, холодными и острыми, подобно клинку верной спаты – обоюдоострого пехотного меча, который воин Макарий двадцать лет носил на поясе.

*«Ты ждешь моего согласия, Георгий? Ты его получишь, не сомневайся. Такую гниду, как ты, всегда следует держать в поле зрения. Но ордена не будет, я уж постараюсь. Не хватало еще, чтобы монахи правили империей. Только тебе, *πούβτης*, знать об этом пока не следует. Ты хочешь приставить меня к отроку Михаилу? Очень хорошо, никаких возражений с моей стороны. Для начала нужно не дать тебе развернуть его, как старая шлюха растлевает неопытных юношей... А ты это умеешь, Георгий. Я знаю, во что ты превращал своих подручных – в не имеющие собственной воли, покорные лишь тебе инструменты, для которых честь и совесть заменял твой приказ.*

*Мне жаль для тебя даже рваного хитона, а такое оружие, как этот парень, я тебе уж точно не дам. Хорошо, что ты недооцениваешь мальчишку, раз не понял, на что он замахнулся своей Академией.*

*Парень взрослеет, и у него хорошие наставники. Одного ты решил убрать, и возможно, в этом ты прав, такому отроку нужен в духовные отцы не философ, а тот, кто знает эту жизнь получше.*

*Что ж, мы будем работать вместе, брат Илларион, только вот цели наши различны. Ну, пора отвечать друнгарию ордена!»*

Отец Меркурий поднял глаза на своего собеседника. Тот спокойно ждал.

*«Надо же, как он уверен в себе. Не буду его разочаровывать!».*

– Ты убедил меня, друнгарий, – голос старого солдата прозвучал твёрдо.

– Я не сомневался, что ты согласишься, – удовлетворённо ответил иеромонах. – Ты достаточно умён для этого, и ты один из немногих, для кого служение империи всегда останется смыслом жизни. Господь недаром сводил нас вместе все эти годы.

– Похоже, это действительно так. Мы должны были встретиться: ты, я и этот скифский отрок. Каюсь, до последнего момента я не верил в то, что мы избраны Им, чтобы спасти империю и веру, но тому, что ты рассказал, не поверить нельзя.

– Мне было бы куда приятнее, если бы ты сказал, что я избран, – ответил бывший друнгарий, – однако смирение паче гордости, ты прав, оплитарх! Избраны мы все, все трое. Значит ты со мной?

– Да.

– Ты готов служить мне ради торжества веры, ради величия империи и ради создания ордена, который будет стоять на их страже?

– Да.

– Даже против базилевса и патриарха?

– Да. Они всего лишь люди и могут ошибаться. Долг ордена исправить эти ошибки, но скажи, друнгарий, кто не даст совершить ошибок нам самим?

– Господь, Христос Пантократор! Он избрал нас, так как мы сможем выйти из воли Его? – Кажется, самозванный друнгарий не созданного ещё ордена искренне верит своим словам, – Никто в ордене не сможет оставить наследство своим потомкам, ибо потомков не будет! А люди, которым не нужно пристраивать сыновей, убагавлять жён, заботиться о родителях, смогут отбросить суетное и думать только об ордене. Ведь орден и есть империя! Её страж, её хранитель, сила, стоящая над всеми! И Господь дал эту силу в руки нам! В том числе и тебе, оплитарх ордена... Ты готов к этому?

– Да.

– Ты готов повиноваться?

– Да, друнгарий!

– Хорошо! Я не буду требовать от тебя клятв, брат Меркурий. Слишком часто любая клятва лишь сотрясение воздуха. Ты будешь верно служить мне, потому что сам так решил.

– Да, друнгарий!

*«Хорошо, что тебе сломали спину, гнида! Телесная немощь немного затуманила твой разум, и ты, валяясь тут, сам убедил себя в моей безусловной преданности. Хотя ты не так уж и не прав. Несколько лет назад ты смог бы подчинить меня себе, но сейчас я стал умнее... Что ж, пора учиться ремеслу мима, и делать это быстро! Что-то мне стала очень дорога собственная голова!»*

– Тпру! – Голос возницы вернул отца Меркурия в реальный мир. Каурая лошадёнка, не заставила просить себя дважды и встала как вкопанная.

Остановился весь обоз. Возницы и немногочисленные ездоки начали вылезать из саней с вполне естественной целью размять ноги. Соскочил с облучка и возница отца Меркурия.

– Размялся бы ты, батюшка, – обратился он к священнику.

– Почему мы остановились?

– Ну так старшина обозный Илья Фомич приказал, вот и... – развёл руками возница. – Сам посмотри, время-то обеденное. Оно, конечно, кашеварить нынче не станем, до Ратного всего ничего, да живот-то, злодей, еды просит. Не помнит брюхо старого добра. Да и до кустов наведаться дело совсем не лишнее. Ты, батюшка, к нашим местам ещё непривычный, морозец-то лёгонький, да тебе и такой, поди, в новинку. Так что сходи в кустики-то, сходи, а то прижмёт нужда ненароком на въезде, и смех и грех. А я после тебя сбегаю. И поесть надо бы. Я рыбки копчёной запас, хорошая рыбка!

– Уговорил, речистый! – усмехнулся отец Меркурий, выбираясь из саней. Его забавляла грубоватая заботливость возницы и обращение «батюшка», которое тот, несмотря на все попытки священника исправить на «отец», более подходящее для монашествующего, упорно использовал в разговоре. Обозник, похоже, был свято убеждён, что за священником следует смотреть как за малым ребёнком.

Огромные присыпанные снегом ели подходили вплотную к узкой лесной дороге. Отец Меркурий в восхищении смотрел на плотный зелёный строй лесных исполинов, так похожих и непохожих одновременно на знакомые ему с детства кипарисы. Здесь всё было по-иному, чем на Родине, но эта суровая земля предков его матери нравилась бывшему хилиарху. Чувствовалось в ней и народе, её населяющем, что-то цельное. Здесь рождались сильные люди, и они нравились старому солдату. Раньше он знал их только по сказкам, которые в детстве рассказывала ему мама, а теперь пришло время знакомиться с ними самому. Взять хотя бы возницу, невысокого коренастого человека, так трогательно опекавшего священника. От другого отец Меркурий не стерпел бы такой заботы, а тут на душе становилось теплее, когда Харитон, или Харитоша, как звали его другие обозники, с неизменной смесью ворчания и сюсюканья старался облегчить своему «батюшке» дорожные тяготы. Никто бы с первого взгляда не посчитал этого неказистого возницу сильным, но, приглядевшись внимательнее, отец Меркурий понял, что с ещё большей заботой Харитон ухаживает за ранеными, и наверняка не один скифский катафракт поминает в своих молитвах похожего на пегобородую наседку обозника, который однажды не дал ему умереть.

Снег весело скрипел под сапогами, и мысли в голове отца Меркурия неспешно текли под стать скрипу: *«Ну как тебе здесь нравится, старина? Не находишь, что Скифия оказалась весьма не скучным местом? Сначала тебя втянули в заговор против базилевса, а теперь сажают на горшок и собираются кормить с ложечки. Ещё и сопельки вытрут пегой бородой! Как там сказал Харитоша – и смех и грех? Да уж, точнее не скажешь. Что же дальше?»*

Пока отец Меркурий разминал ноги, возница успел пристроить на морду лошади торбу с овсом и вытащить короб с припасами и, увидев священника, разулыбался ему навстречу по своему обыкновению.

– Вернулся уже, батюшка?

– Вернулся, Харитоша.

– Тогда за кобылою пригляди, я быстро обернусь.

– Не спеши, никто же не торопится.

– Как же не спешить? А поесть? Не ровен час тронемся, а на ходу какая еда?

– Иди уже, – рассмеялся отец Меркурий, – А то за разговорами и вправду ничего не успеем.

– Бегу, батюшка, – возница шустро направился в сторону леса.

Священник присел на облучок. Вокруг деловито суетились люди. От хвоста обоза, где шли основные силы Младшей стражи, к головному дозору пролетел вестовой. Бывший хилиарх пехоты базилевса смотрел по сторонам. Не часто в прошлой жизни ему удавалось так вот просто посидеть и посозерцать. Жизнь солдата подчиняется одному слову – «Бегом!». А монастырь... Уж на что, казалось бы, мирное место, но нет: службы, молитвенные бдения, работа в



немалом монастырском хозяйстве почти не оставляли времени для того, что монах Меркурий неожиданно для себя самого там действительно полюбил – учиться.

Книги стали его страстью, его друзьями. Хоть и немало повидал на своём веку хилиарх Макарий, в книгах он открыл для себя новый мир. Софокл, Платон, Аристотель, Пифагор, Демокрит, Эврепид, Эзоп, Плутарх, Цезарь, Цицерон, Гомер, Лукреций Кар, Овидий, Тацит, Светоний, Прокопий Кесарийский, Иоанн Дамаскин, Лев Математик, Иосиф Флавий, Иустин Философ, Климент Александрийский, Тертуллиан и многие-многие другие. Они перевернули мир отставного солдата, научили размышлять о вещах, представлявшихся ранее непостижимыми.

Он смеялся и плакал вместе с героями трагедий и комедий, стоял в рядах трёхсот при Фермопилах, над ним реяли орлы римских легионов, числа раскрывали пред ним свои тайны, явной становилась природа вещей. Он страдал от любви и тоски вместе с Овидием, вслед за Цицероном вопрошал: «Доколе, Каталина, ты будешь испытывать наше терпение?», вместе с Тацитом и Светонием беспощадно судил императоров, пытался познать вместе с Иустином Философом и Тертуллианом божественную природу и вместе с Прокопием отвечал им: «Не берусь я судить о высоких вещах. Сумасбродным я считаю исследование божьей природы, какова она есть. Трудно нам с какой-либо точностью понять человеческое, к чему же рассуждать о божественном? Ни в чём не противореча установленному, думаю, лучше молчать о том, что предназначено лишь для благоговейного почитания!»

Отец Меркурий знал, что всегда будет молиться за брата Никодима, смотрителя монастырской библиотеки, открывшего ему этот мир. Старый седой книжник сумел понять мятущую душу потерявшего всё солдата и снова вдохнул в него жизнь. Именно он научил брата Меркурия латыни, риторике, арифметике, геометрии, началам философии, и самое главное – научил читать не только то, что написано в строках, но и то, что незримо пишут между ними. Так бывший солдат обрёл друга и наставника. Именно брат Никодим смог выстроить лестницу, по которой душа хилиарха Макария поднялась из бездн чёрного отчаяния. По этой лестнице к свету пришёл уже брат Меркурий, готовый жить и служить, человек, нашедший новый путь и свою новую стезю.

Их объединяло общее дело: дни и ночи они переписывали книги, чтобы тонкий ручеёк знания не истаял в пустыне общего невежества. Читали и обсуждали прочитанное. Отец Меркурий знал, что никогда не сможет забыть этих ночных диспутов при свете тусклой масляной лампы (чего стоило добывать масло у скупого отца келаря – знал только брат Никодим). Жаркие споры двух зрелых мужчин – книжника и солдата. Они были разными, очень разными, но стали друзьями. Отец Меркурий потом часто слышал в своих ушах шёпот брата Никодима: «Запомни, друг мой, крепко запомни! Труд и знание, знание и труд, только они способны сделать наш мир лучше. Это истинные божества, истинный свет, и Христос был воплощением труда и знания. Чего стоят по сравнению с ними все базилевсы и патриархи? Да они пыль на сандалиях! Только так можно прийти к царству Божьему, только так!» Шепот, только шепот оставался им для таких разговоров, среди братии хватало доносчиков...

На седьмом году монастырской жизни брата Меркурия друг ещё раз круто изменил его жизнь. Стояла ранняя весна. Солнце пробивалось сквозь узкие зарешёченные оконца монастырской библиотеки, ветер с Пропонтиды приносил с собой запах соли и водорослей даже сюда, в царство пыли, пергаментов и папирусов. Брат Меркурий как раз закончил переписывать очередную страницу «Деяний Апостолов» и блаженно потянулся. В этот момент в помещение вошёл брат Никодим и с порога заявил:

– Я долго думал, друг мой, и нашёл тебе новое дело!

– Какое?

– Тебе давно тесно тут. Ты полюбил знание, полюбил книги, но книжным червём подобно мне тебе никогда не стать. Пришло тебе время идти в мир, нести истинный свет людям.

– Почему мне? И почему сейчас?

– Потому что ты наполовину скиф! Поезжай на Родину своей матери и неси свет её соплеменникам. Надо спешить, пока их не успели развратить, надо посеять в их души семена того, что приведёт их к царству Божьему!

– Но...

– Никаких «но», с отцом архимандритом я уже говорил, и он согласен благословить тебя на это послушание. Пока он мне верит... Передаю тебе его слова: «Это дело поглотит всю неумную энергию брата Меркурия!»

– Никодим...

– Не говори ничего, друг мой, мне будет не хватать тебя, но тебе надо идти. Слишком темно и душно становится здесь, слишком! И ещё: теперь уже тебе придётся стать учителем, пришло и твоё время...

– Я понял тебя. Просто я слишком часто терял друзей... Спасибо тебе, Никодим!

*«Божже, как тяжело осознавать, что твой единственный друг жертвует собой, выводя тебя из-под удара. В империи становится нечем дышать... Симеон Новый Богослов торжествует над Евстратием Никейским... Снова хотят убить знание, убить мысль! А убивая мысль, имеют обыкновение избавляться и от тех, кто носит её в своей голове. Так поступили и с Евстратием, и с его учителем Иоанном Италом – объявили впадшими в несторианскую ересь. Евстратий даже отрекался от учителя, как Пётр, – не помогло. Базилевс заступался – тщетно! Чёрная братия не отступилась от добычи... Никодим знал это и решил спасти меня от такой судьбы. Ты считал себя книжным червём, друг мой, а сам поступил как воин. Твоя осторожность не подвела тебя, и ты спасся от темницы и костра. Если бы у них были доказательства, Илларион не смог бы выцарапать тебя на Русь. Но как бы это спасение не оказалось страшнее опасности – ты попал в руки тех, кто во сто крат хуже патриарших дознавателей, и они точно знают, кто ты. Пришёл мой черёд спасать тебя, друг мой. Господи, дай мне сил и мудрости сделать это, и да минет чаша сия раба Твоего Никодима!»*

\* \* \*

Какое-то движение в кроне ближайшей ели привлекло внимание отца Меркурия. Серебристо-серый зверёк с пушистым хвостом сидел на еловой лапе и смотрел на людскую суету. Странно, но белка совершенно не боялась людей. Отец Меркурий с удовольствием наблюдал за ней. Вот она почесала голову задней лапой, дёрнула украшенным кисточкой ухом и уставилась на иеромонаха. «Чего пялишься? – казалось, спрашивала её мордочка. – Припёрлись сюда, шумят, шастают, а мне, между прочим, на другую сторону надо! Ишь, ходят тут, воздух портят! А на этой стороне шишки кончились, так что мне из-за вас теперь – голодной оставаться?!»

Отец Меркурий смотрел на божью тварь, отчего-то привлёкшую его внимание.

*«Я тебя понимаю, зверёк. Мы тут совсем нехстати, с твоей точки зрения, но такова жизнь. В ней всегда найдётся что-то, что помешает исполнению наших хотений. Какой-то неведомый философ давным-давно сказал: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о том, что задумал». Дураки считают это богохульством, а те, кто поумнее, видят в этом свидетельство величия божественного замысла, по сравнению с которым все наши желания, честолюбие, интриги, войны не более чем возня червей в навозной куче. Так что и черви, и ты, и я – все мы суть творения Божьи, и Создатель определил путь для каждого из нас. Вот только людей Он наделил ещё и страшным даром свободы воли. Ему ведом любой путь, который я выберу, но право этого выбора ОН предоставил мне. Это на самом деле страшно, куда проще и спокойнее жить, когда кто-то решает за тебя, только я не хочу, чтобы за меня решали те, кому я не давал этого права. Епископы говорят, что Господь не всемогущ и не всеведущ, раз допускает свободу воли, но я с ними не согласен. Я благодарен ему за то, что ОН дал мне*

*свободу. Свободу решать и поступать сообразно этим решениям. А ещё Создатель дал мне право отвечать за последствия моих решений и действий. Он, всемогущий и всеведущий, сам ограничил пределы своего всемогущества, наградив человека свободой воли. Я знаю и чувствую что без Него, без исходящей от Него благодати невозможно спастись, но спасение возможно лишь когда усилия к этому прилагают двое: Он, в неизреченной своей милости изливающий свою благодать на всех, не делая исключения ни для кого, даже для самого последнего грешника, и человек, свободно и осознанно принимающий Его дар. Только ничего в этой жизни не достаётся просто так. Господь испытывает нас и через эти испытания возвышает. Я верю, что ОН никогда не даст человеку испытания, которого тот не в состоянии выдержать, а посему каждый из нас должен достойно и безропотно нести испытание жизни, чтобы по завершении своего пути без стыда взглянуть в глаза Создателя и своих предков. Трусливо уклониться от своего испытания – смертный грех! Дьявола зовут отцом лжи, а я назову ещё и отцом трусости. Может это тоже ересь, но в ней я покаюсь перед престолом Господа, когда придёт мой час. Он сам дал мне это право!*

*Вот так-то, зверёк! Перед нами обоими стоит выбор. Только тебе проще – на той стороне много еды, значит, тебе туда и надо. Осталось только перейти Рубикон – дорогу, на которой мы так некстати для тебя оказались. А вот мне сложнее. Я топчусь на берегу своего, не зная, что делать, ведь выбор человека не так однозначен, да и Рубиконов у меня несколько».*

– Вот и я, батюшка! – раздался за спиной голос Харитоши.

– Быстро же ты, я и присесть толком не успел, – отец Меркурий старался правильно выговаривать славянские слова, но по улыбке возницы понял, что получается пока не очень. С момента гибели матери, обучившей сына языку своей родины, бывшему хилиарху не приходилось говорить по-славянски, так что в Киеве он начал учить язык считай заново. – Что, я опять сказал что-то неправильно?

– Да нет, батюшка, сейчас-то всё хорошо, да уж прости ты меня, смешно вы греки говорите. Шипите да свистите, а ещё щёлкаете временами, ровно та векша, что вон на ёлке устроилась. Народу полон лес, а она не боится, да ещё лается будто, – обозник опять улыбнулся.

– Так её векша зовут? – отец Меркурий порадовался возможности узнать имя бесстрашного зверька, который сподвиг его на размышления о свободе воли.

– Ага, векша, а ещё белкой кличут – ответил Харитоша. – Весёлая зверушка. Скачет день-деньской по веткам. И ещё запашивая. Орехи, шишки собирает да по дуплам прячет, чтобы, значит, зимой чего поесть было. Я ещё мальцом на них смотреть любил. Это сейчас они серые, а летом-то рыжие все. Будто огонёк по веткам скачет. А эта бесстрашная совсем.

Белка тем временем разразилась серией недовольных щёлкающих звуков.

– Ишь какая! – восхитился обозник. – Точно лается, совсем страха нет! Дескать, чего вы, охальники, в мой лес незваными пришли, подите вон! Эх ты, дурья голова, тебя же враз на шапку пустят, хвостом махнуть не успеешь.

– Эту я бы не пустил – ответил отец Меркурий. – Она храбрая! Да и начеку держится, не возьмёшь её просто так.

– Верно говоришь, батюшка, – согласился возница. – А теперь давай закусим чем Бог послал. Ты присаживайся.

Отец Меркурий пересел с облучка на край саней. Харитоша тем временем извлёк из короба чистую тряпицу и начал выкладывать на неё припасы, главное место среди которых занимала обещанная «хорошая рыбка». Бывший сотник базилевса ещё не научился различать местных рыб, особенно когда они представляли перед ним в копчёном состоянии. Эта широкая и плоская рыба казалась жирной даже на вид, чешуя отливала золотом, а запах, который исходил от неё, заставлял рот наполняться слюной. Остальные части трапезы образовывали свиту базилевса по имени копчёный лещ: несколько круглых жёлтых печёных репок, краюха

ноздrevатого чёрного хлеба, луковицы. Отец Меркурий давно хотел спросить, как Харитоше удаётся на таком холоде сохранять припасы непромороженными, но всё как-то забывал. Вот и сейчас вопрос мелькнул в голове и скрылся, вытесненный внезапно возникшим голодом.

– Помолимся, брат мой во Христе! – священник, поднялся, осенил себя крестом и первым начал произносить слова молитвы: – Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Возница присоединился к молению мгновением позже, а после того как прозвучало «аминь», истово перекрестился вслед за отцом Меркурием и остался стоять, ожидая, когда священник благословит трапезу. Тот не заставил себя долго ждать:

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питье молитвами Пречистой Твоей Матери и всех Святых Твоих, яко благословен еси во веки. Аминь.

Отец Меркурий перекрестил тряпицу с разложенной на ней едой и, улыбнувшись Харитоше, снова присел на край саней. Обозник опустил следом. Бывшему хилиарху жутко хотелось есть. Он сам не понимал, что разбудило в нём такой зверский голод. Но уж чего-чего, а поголодать ему в жизни пришлось немало, и отставной сотник сдерживал себя. Невежливо приступать к трапезе до того, как хозяин оделит гостя и сам возьмет первый кусок. Хозяином же здесь, несомненно, являлся Харитоша. А тот то ли проголодался не меньше своего попутчика, то ли жизнь, проведённая в разъездах, научила не терять времени даром, то ли ещё по какой причине, но себя ждать не заставил. Узловатые пальцы с треском обезглавили его копчёное величество, те же пальцы, но уже помогая себе ножом, располовинили обезглавленную тушку вдоль хребта, а затем и разрезали две полутуши на равное количество аккуратных кусков. Отец Меркурий, исходя слюной, наблюдал за этим действием. Харитоша же тем временем бережно взял в руки краюху хлеба и, стараясь не уронить ни крошки, начал её резать. Водрузив на отрезанный ломоть кусок рыбы, он с поклоном протянул снесь священнику.

– Откушай, батюшка.

– Благодарствую, Харитоша, – отец Меркурий, дождавшись, когда сотрапезник откусит первый кусок, жадно впился зубами в еду.

Некоторое время они молча отдавали дань несомненным достоинствам копчёного леща, не забывая, впрочем, и о других составляющих их простой, но сытной трапезы. Отец Меркурий уже привычно отметил предупредительность своего попутчика. Действительно, всю дорогу от Турова Харитоша не выставил на стол ничего скоромного, более того, и сам питался постной пищей, хотя до начала поста было ещё далеко. Делал это обозник не из какого-то особенного благочестия, а исключительно из деликатности. Ему казалось невежливым есть то, что из-за принятых обетов недоступно его сотрапезнику. Даже когда отец Меркурий прямо сказал, что несколько не будет страдать оттого, что на их столе появится запретное для него самого мясо, Харитоша замахал на него руками:

– Что ты, батюшка, разве ж это дело когда одни едят, а другие глядят!

Меж тем, снесь на тряпице изрядно убыло. Челюсти двигались уже не столь бодро и, как всегда, когда первый голод оказался утолён, сотрапезники стали превращаться в собеседников. Первым начал словоохотливый, как большинство обозников, Харитоша:

– Ну как тебе рыбка, батюшка, по нраву пришлась?

– Хороша. Царскому столу впору. – Отец Меркурий порадовался про себя, что на сей раз казавшееся ему таким странным слово «царский» всплыло в памяти без малейших усилий.

– Царскому? – переспросил возница – А ты что, батюшка, с самым греческим царём за одним столом сживал?

– Нет, конечно, царь простого сотника за свой стол не сажает. А вот видывать приходилось. Не знаю, как во дворце, а в походе покойный царь Алексей ел просто, так же, как и его дружина.

– Ну надо же! – У обозника от удивления даже глаза вылезли из орбит. – Так купцы да ладейщики рассказывают, что у царя злата да рухляди всякой не меряно и не считано, и живёт он в тереме каменном, да таком, что и за день не обойдёшь! Вот и думал я, что при таком богатстве ест он яства невиданные, а подают ему их на золотом блюде.

– Может, в Па... тереме своём и так, не знаю. Но в походе он ел ячменную кашу из глиняной миски, отругиваясь при этом от лезущих к нему со своими докуками воевод.

– Вот те на! – ещё больше удивился Харитоша.

– Так царь ведь тоже человек, хоть и помазанник Божий, – усмехнулся священник. – Так что не сомневайся, и ест он, и пьёт, и в отхожее место ходит. Тем более царь Алексей с юности воином был.

– Ха! Эх ты, батюшка, царя-то вашего приложил! – хохотнул Харитоша. – И ведь верно!

– Скажи мне, Харитоша, отчего ты меня всё своими припасами кормишь? – сменил тему разговора отец Меркурий. – Мне ж в монастыре целый короб в дорогу дали.

– Э-э-э, батюшка, разве ж то припасы? Тухлятины и завали насовали, скареды!

– Так уж и тухлятины! Не твоя рыбка, конечно, но есть можно. Мне и не таким кормиться приходилось, да и тебе думаю тоже, – заступился за епископского келаря отец Меркурий.

– Приходилось, батюшка, – не стал отпираться Харитоша, – только год нынче не голодный, а хлеб у тебя считай из одной половины, рыба лежалая, крупа затхлая. И ведь не бедствуют на епископском подворье, могли бы и получше тебя в дорогу собрать. В варево ещё так-сяк годится, а сырьём есть-то противно.

– Не ропщи, брат мой во Христе, – остановил обозника священник, – не пристало это христианину. Лучше вспомни о тех, кому и такая трапеза за радость.

– Верно, батюшка! Кто-то и такому рад-радёшенек. Мы-то в Ратном сытно живём, хотя всяко бывает, а кто-то и с голодухи воет. Помню, как отроков из лесных селищ в Воинскую школу привезли, так у них глаза ровно плоски были, когда дошло до них, что теперь каждый день досыта есть станут. Я там как раз был, снасть кузнечную из Ратного привёз, вот меня с отроками в трапезной и кормили.

– И как кормили?

– Хорошо кормили, батюшка, грех жаловаться. А ребятишки как увидали, что на столе щи с убиной, да каша с молоком, да сыто – обалдели вовсе! У них-то в лесу коровёнки худые, да мало их, так что молока каждый день не бывает. По чести сказать, и в Ратном такое не в каждом дворе, но воин досыта есть должен.

– Это верно. С пустым животом много не навоюешь, – не стал спорить с очевидным отец Меркурий. – Для боя силы нужны.

– Истинно, батюшка! И боярич Михаил так же отрокам рассказывал, и еще про иноземного воеводу вспомнил, который говаривал: «В здоровом теле – здоровый дух!»<sup>24</sup>

*«Я не знаю, про кого рассказал мальчишкам мой поднадзорный, что само по себе удивительно, но несомненно, что этот стратег начал свой путь солдатом. Те, кто прямо из колыбели прыгнули наверх, как-то больше думали, что голодный солдат злее воюет!»*

– Разумен не по годам боярич Михаил, как я заметил. Умудрённому мужу пристали такие суждения, а он ведь отрок ещё. Опять же сотня стрелков под рукой в такие годы не шутка. – Отец Меркурий в очередной раз за дорогу попытался перевести разговор на боярича, который

---

<sup>24</sup> На самом деле фраза «В здоровом теле здоровый дух» принадлежит Ювеналу и изначально имела более широкий смысловой оттенок, но в нашей стране широко известна благодаря генералиссимусу Суворову А. В. Вот почему Михаил говорил про «воеводу», а Меркурий оказался этим озадачен.

весьма интересовал его. Вот только не всегда получалось расспросить – на иные вопросы даже простодушный Харитоша язык прикусывал, но тут вроде сам заговорил, а потому можно надеяться, что и дальше особо таиться не станет, – И отличился уже, как не каждому по силам, надо же – князя пленил!

– Верно говоришь, батюшка! Сами дивимся, откуда это у него берётся? – Харитоша на этот раз легко заглотил предложенную наживку – Ты, батюшка, еще не всё знаешь! Хотя и кличут его кто подурнее да со зла Бешеным Лисом, не верь этому. Я и сам по первости так думал, а потом понял – добрый он, а что в гневе страшен, так то с врагами. А самое расчудесное, людей он насквозь видит! Вот как ты, батюшка, в книгах своих читаешь, так и он в душе у человека!

– Даже так?

– Истинно так, батюшка! Сам посуди, ты старшину обозного нашего Илью Фомича ведь знаешь уже?

– Ну насколько за несколько дней узнать можно, знаю. Муж достойный, дело своё понимает, словоохотлив, но не болтлив, умён. Ещё умеет дух упавший поднять, раненых, наверное, лечит очень хорошо, редко они у него умирают. Верно?

– Верно, батюшка, всё ты прозрел! Только неведомо тебе, что года не прошло, как был Илья Фомич Илюхойобозником, как и я, да ещё и пил крепко. От тоски пил. Правда дело своё он и тогда знал и раненых выхаживал на удивление, самых тяжёлых к нему клали.

– И как же он смог так измениться?

– Да боярич Михаил его как подменил! Аккурат как на Кунье сходили. Тринадцать лет Михайле тогда минуло!

– Удивительно! Я уже понял, что ваш боярич может то, что не под силу ни одному из его сверстников, одно пленение князя Всеволода чего стоит, но в таком возрасте и столь круто изменить судьбу взрослого мужа! Я не перестаю ему удивляться, – отец Меркурий с готовностью включился в разговор.

– Верно говоришь, батюшка! Удивительный он отрок. Другим бы в его годы с девками по кустам шастать, а боярич такими делами ворочает, что князю впору. И людей насквозь видит, ну да об этом я тебе уже сказывал, – было видно, что Харитоше не терпится поведать свежнему человеку свои наблюдения.

– Знаешь, Харитоша, когда я разговаривал с бояричем, мне казалось что беседую с умудрённым мужем, а не с мальчишкой, – вполне искренне согласился с собеседником отец Меркурий.

– Верно, батюшка. Вот и Илья после того случая так же сказывал! Суди сам, пристроил сотник Корней своего раненого внука к Илье в сани, так оно и понятно, Илья-то у нас по лекарским делам дюже способный. – Харитоша потянулся за куском снеди, выдерживая драматическую паузу.

– Это понятно, на месте сотника я поступил бы так же, но как боярич сумел изменить судьбу Ильи? Лёжа бревном этого не сделаешь, – отец Меркурий задал вопрос, которого от него, вне всякого сомнения, ждал собеседник.

– То-то и оно, что Михайла не просто лежал. Зацепились они с Ильёй языками за полон, что в Куньем набрали, и боярич стал с Ильёй книжной премудростью делиться, да не хвастовства ради, а по делу. Рассказал, как холопами править, как людей понимать. Крестами с ним обменялся, крёстным братом стал. Вот с того и начал Илья выбиваться. Холопов у сотника Корнея на добычу купил, Корней ему по-родственному цену-то скинул. А Илья, не будь дурень, когда холопов торговал, к Корнею хитро так подъехал, мол, собрался ты, Корней Агеич, Младшую стражу возродить да купеческую охрану за серебро учить, а им обозное дело знать надобно, и старшина обозный им нужен, так я по-родственному готов... Корней и согласился, но до того с Михайлой совет держал, вот оно как!

– А не сам Михаил надоумил Илью проситься в наставники? – попытался снова перевести разговор на боярича отец Меркурий, уже понявший, что его собеседник склонен больше поговорить о чудесном возвышении Ильи.

– Может, и так, – не стал спорить Харитоша. – Илья сказывал, что боярич как ему про задумку свою, про Воинскую школу да Младшую Стражу рассказал, так его и осенило. Удачу свою за хвост ухватил! Да и не дурак, недаром боярич его в совете своём старшим поставил и его совета слушать велел, чтобы, значит, ни сам Михайла, ни ближники его по малолетству дурости какой не натворили. Вот и я, на Илью глядячи, в обоз Младшей Стражи сам в походе напросился, Илья давно звал, дескать, мне одному уже несподручно а ты мне в помощь в самый раз будешь. Мы ж с ним сызмальства дружим, вот и позвал.

– Верно, удачу надо хватать быстро и держать крепко, – кивнул отец Меркурий. *«Интересно, случайно или нет проговорился тогда мой поднадзорный о своих планах? Похоже, что нет».*

– Истинно, батюшка! Вот Илья схватил и держит, а другому в руки само пришло, а он и удержать не может, как Афоня! Вот и я свою удачу ловлю, может, и мне судьба в наставники выйти да сыновей выучить, а не обозником помереть. Да и дышится у них в Михайловом городке вольнее.

– Верно ты рассудил, Харитоша, всегда надо стремиться к лучшему, только сама лучшая доля не придёт, за ней побегать приходится, – одобрил отец Меркурий. – А что это за Афоня?

– Ратник, что у Ильи тогда в санях вместе с Михайлой пораненный лежал. Они вместе в дозоре были, только Ми-хайла о засаде предупредил и один против десятка лесовиков оборону держал, а Афоня со всем дозором назад подался. Их тогда десятник Лука Говорун доли лишил, а Михайла так устроил, чтобы холопскую семью Афоне всё же дали. А этот дурень чуть не в первый же день к холопке новой под подол полез, ну она ему всю рожу и раскровянила, чуть глаза не выдрала. Вот же кобель блудливый, и девку загубил и холопов лишился! Девку-то сотник Корней по обычаю казнить велел, а холопов у Афони Михайла, почитай, с боем выкупил, чуть не прибил его тогда. А и надо было, кобеля блудливого!

– По делам ему и награда!

Отцу Меркурию сейчас совсем не хотелось вспоминать про «не судите, да не судимы будете». Солдаты в кровавом безумии штурма и всеобщего грабежа творили с женщинами всякое, и воин Макарий не был исключением, но вытворять такое под крышей своего дома, пусть и с рабыней? Этого он принять не мог.

– Во-во, батюшка, по делам! – согласился обозник. – Мало того, что холопов лишился, так и с бабой теперь у него разлад. Сказывали, что жена ему серебро, что Ми-хайла за холопов отдал, в кашу высыпала – жри, мол! И Лука Говорун на Афоню взъелся – шпынял, как новика, и по улице проходу нет – всяк кривым кобелем величает. Так-то вот!

– А что стало с теми рабами, которых выкупил боярич?

– Так Михайла им волю дал и при воинской школе пристроил: бабу стряпухой, мужа её по хозяйству – принеси-подай, а сын их в Младшей страже на рожке играет.

– А почему вдруг взрослого мужа да на побегушках оставили? Неужто дела ему достойного не сыскали? – Отец Меркурий сильно удивился тем, как не по-хозяйски распорядился боярич судьбой своего вольноотпущенника.

– Так ведь у того Простыни ума вовсе нету, как дитя малое, при бабе своей пребывает. Силы медвежьей, работающий, а телок телком. Уж за что бабе такая судьба досталась, не знаю, – Харитоша развёл руками.

– Тяжкое испытание ей выпало, но Господь не посылает нам непосильной ноши, и тот, кто несёт свой крест без ропота, с мужеством и достоинством, в конце концов будет Господом вознаграждён, не в этой жизни, так в будущей. Вот и ей уже Он дал надежду и утешение – её

сын станет воином, достойным человеком, может быть достигнет высоких чинов, прославит свой род... А дочь её, без вины принявшая муку, сейчас в Царствии Небесном!

– Эх ты, батюшка, повернул – «без ропота, с мужеством и достоинством»! Отец Михаил покойный по-другому сказывал, дескать, смирение нужно. – Харитоша удивился так искренне, что стало понятно – от священника он ничего подобного услышать не ожидал.

– А разве не роптать не есть смирение? – вступился за своего погибшего предшественника отец Меркурий. – Смирять себя, не роптать на беды и горести, а преодолевать их – требует мужества. Отчаяние тяжкий грех, брат мой во Христе, а ропот и есть отчаяние, а отчаяние есть трусость. Так что верно учил вас отец Михаил, а я лишь сказал о том же другими словами.

Собеседники замолчали. Харитоша явно что-то переосмысливал для себя, а отец Меркурий вновь, по въевшейся в кровь привычке, мысленно разговаривал сам с собой.

*«Да, Илларион оказался прав. Мой предшественник совсем не подходил в пастыри этим людям. Я сейчас разговариваю с обозником, но и у него рабское смирение вызывает протест, хотя этого слова он и не знает. Смирение же как преодоление себя, как мужество перед лицом испытаний, что посылает нам Господь, ему понятно. Да и я понимаю смирение именно так: смирение глупой гордыни, именно гордыни, не гордости, – это разные вещи, смирение глупых и пагубных страстей, смирение своего страха и отчаяния – вот истинное значение этого слова. И Господь не мог учить людей иному, мы сами извратили Его слова! Простой обозник понимает это, что же говорить о воинах.*

*Я видел лишь малую часть тех, кого мне придётся наставлять, но декарх Егор и его люди именно воины. Они держатся со мной настороженно, хотя и выказывают внешнее почтение, но при каждом удобном случае пытаются меня прощупать. С одной стороны, это понятно, я человек тут новый, и что несу с собой – неизвестно, а с другой – уж очень этот интерес пристрасен. Мне как будто пытаются указать моё место. Ну-ну, не они первые...*

*Да и Харитоша при всей его словоохотливости разоткровенничался со мной только сейчас, в последний день пути. Мы говорили раньше о всяких пустяках, а вот о том, кто есть кто в Ратном и кто чем дышит, он не сказал мне ни слова. То ли чего-то боится, то ли считает, что есть вещи, которые мне знать не надо, а может, и то и другое.*

*Похоже, мой предшественник оставил после себя не только хорошую память, раз меня встречают столь настороженно. Что ж, со всем этим придётся разбираться на месте, но сесть себе на голову я точно не дам. Надо ставить себя сразу и жестко, благо как это делается, я не забыл. Неплохо будет вспомнить молодость!»*

– Значит, бояться грешно, батюшка? – Харитоша, сделав для себя какие-то выводы, решил продолжить разговор.

– Нет, в том, что ты испытываешь страх, нет греха, сын мой, – отец Меркурий сам не заметил, как перешёл на пастырский тон. – Грешно другое: поддаваться страху, не преодолевать его. Человек трусивший впадает в ещё более тяжкие грехи, например, когда воин бежит с поля боя, он совершает грех клятвопреступления, когда христианин не может пересилить страх перед мукой от рук иноверцев и отрекается от веры, он впадает в грех отступничества, когда ребёнок, в страхе перед наказанием, скрывает свою шалость, он впадает в грех лжи. Вот так трусость способна погубить душу, сын мой! Только страх и трусость разные вещи. Господь дал нам страх, чтобы он предупреждал нас об опасности, чтобы мы сумасбродно не губили себя, а также для того, чтобы мы боролись с ним, закаляя свою волю и веру!

– Истинно, отче! – раздалось сверху.

Отец Меркурий поднял глаза. Рядом с санями высились в сёдлах боярич Михаил и десятник Егор.

– Здравствуй, боярич! И ты будь здоров, десятник! Как твоя рана? – поприветствовал отец Меркурий неожиданных собеседников.



– Здрав будь, отче! – почти одновременно отозвались всадники, спешиваясь, а Егор, оказавшись на земле, добавил: – Спасибо Илье с Матюхой, уже не докучает. В седле сидеть могу.

– Рад это слышать, сын мой.

– Благодарствую, – десятник коротко склонил голову.

Харитоша с интересом наблюдал за этим обменом любезностями. Отцу Меркурию показалось, что возница чего-то ждёт. По крайней мере, в его глазах, по очереди останавливающихся то на бояриче, то на десятнике, то на самом священнике, светилось любопытство.

– И в чём же я, по-твоему, прав, сын мой? – отец Меркурий взглянул в лицо отрока.

– В том, что трусость – смертный грех, отче, – зелёные глаза боярича бестрепетно встретили взгляд чёрных глаз священника.

– И почему же, сын мой?

– Ты уже сказал, отче, а я от себя добавлю: страх, ничем не сдерживаемый, лишает разума.

– А разум отличает нас от зверей, не так ли, сын мой?

– Так, отче!

– А ты как считаешь, десятник? – отец Меркурий перевёл взгляд на Егора.

– Нет у труса разума, – морщась, словно от зубной боли, зло буркнул тот, будто отвечал не священнику, а каким-то своим мыслям.

– Верно, у труса нет разума, но бывает, что и холодный разум ведёт к гибели. Вспомните историю Понтия Пилата, братья мои. – Отец Меркурий по очереди оглядел своих собеседников: Харитоша слушал разинув рот, десятник Егор смотрел на затеявшего проповедь попа со скептическим интересом, а в глазах боярича Михаила светились – священник чуть не поперхнулся – уверенность и ирония, как будто отрок точно знал, что сейчас скажет бывший хилиарх, и интересовался только тем, как новый ратнинский пастырь это сделает. Однако сбить с толку отца Меркурия было непросто, он справился с собой за долю мгновения и продолжил как ни в чём не бывало:

– Имперский прокуратор пытался спасти Господа нашего от креста, но когда пригрозили ему доносом в Рим, а толпа кричала «Распни его!», умыл руки, потому что пытался успокоить свою скованную страхом совесть! Мол, не я невинного на крест отправляю, а они, а сам до дрожи боялся доноса в Рим! Вот так страх вкупе с холодным разумом лишили совести достойного человека.

– И душу его погубили, ибо ведал Пилат, что творит! – с непонятной злостью отозвался на слова священника отрок. И бросил почти так же зло, что и Егор перед этим: – Да ещё из всех возможных выходов выбрал самый неудачный!

– Неудачный?! – Меркурий не на шутку заинтересовался. – Почему именно это слово, сын мой?

– А потому, отче, что самый удачный выбор из нескольких, особенно если они все разумны, это когда по совести поступаешь. Тем более, если ты сам – власть!

– Предал Пилат, да не как Иуда, не Христа. Себя он предал, совесть свою, честь! – десятник Егор вытолкнул из себя слова, будто сплюнул.

Собеседники молча смотрели друг на друга.

*«Однако есть над чем подумать! Отрок рассуждает, как следует поступать разумному властителю, а декарх, сдаётся мне, говорит отнюдь не о Пилате. Моя случайная проповедь оказалась созвучна их мыслям, но каким? Занятно... Декарх взвился так, будто предали его самого, а мой поднадзорный говорил о власти, совести и принятии решений... Нет, Пилат тут ни при чём – кто-то имеющий над ними власть их предал... или они сочли это предательством.*

*Но здесь и сейчас они сами власть... А может, на такой поступок толкают их? Я строю своё здание на песке, но чувствую, что прав или почти прав... Ладно, с этим разберёмся потом.*

*И вот еще что, пора бы тебе, приятель, перестать всему удивляться и начать думать, а то ходишь с жизнерадостной улыбкой младенца, познающего на ощупь окружающий мир, как-то не очень! Сочтут блаженным идиотом – много ты тогда тут напроповедуешь!»*

– Что ж, братья мои, каждый из вас понял мои слова по-своему, и каждый верно, – Меркурий одобрительно кивнул своим собеседникам и остановил взгляд на юном сотнике: – Но вот скажи мне, боярич, почему, пойдя против своей совести, поддавшись страху и оправдав свой страх холодным рассудком, Пилат поступил неверно? Не только как грешный человек, но и как властитель? Ты сам власть, вот и рассуди о делах власти!

Меркурию в какой-то миг показалось, что в лице юного сотника промелькнуло нечто вроде усмешки. Впрочем, возможно, это случилось лишь из-за шрама, пересекающего бровь и придающего мимике отрока мрачноватое своеобразие. Во всяком случае, с ответом тот не промедлил и заговорил с подобающим почтением:

– Да, отче. Отправив вопреки своей совести на смерть невинного, Пилат мало того, что совершил преступление перед Сыном Божиим, мало того, что погубил свою бессмертную душу, но и допустил несколько непростительных для властителя ошибок. Во-первых, пошёл на поводу у первосвященника и толпы, чем подорвал уважение к власти, во-вторых, показал всем свой страх и явил слабость, чем ввёл народ иудейский в соблазн силой проверить крепость римской власти, что иудеи и сделали. Вот что случается, когда властитель забывает о совести и поддаётся страху!

– Верно, сын мой! Отраднo мне видеть, что ты, в столь юном возрасте, правильно понимаешь долг христианского властителя. Совесть, понятие греха для обличённого властью даже более важно, чем для простого человека. Властвуя над другими, легко поддаться соблазну вседозволенности, дьявольскому искушению счесть людей игрушками в своих руках. Властителю легко впасть в грех гордыни, забыть о том, что он лишь человек, грешный и несовершенный! Лишь ежечасно помня об этом, можно осознать свой долг властителя!

Говоря это, священник смотрел бояричу прямо в глаза, и то, что он там видел, вызывало страх. Не могло быть у отрока такого взгляда. На отца Меркурия смотрел ровесник, проживший тяжёлую жизнь, много видевший и понявший. В этом взгляде причудливо смешивались жажда борьбы и воля, ярость и боль, мудрость и понимание, и годы, годы, годы... Но не только это видел в глазах отрока отставной хилиарх – где-то в глубине малой, но неугасимой искоркой светилось жизнелюбие и лукавство...

*«Изыди, сатана! Не может быть у мальчишки таких глаз! Спокойно, спокойно, обмо- чить штаны всегда успеется. Не может быть у парнишки таких глаз, говоришь? А вообще такие отроки бывают? Ах, нет? А кто тогда, позволь спросить, стоит перед тобой вполне себе во плоти и от креста и святой воды не шарахается? Не знаешь?! Ну так думай, изучай, а не верещи, как монашка в лупанаре! Объяснять всё непонятное кознями дьявола оставь недо- умкам. Вспомни наконец, что Господь дал тебе голову не только для того, чтобы в неё есть!»*

– Благодарствую на добром слове, отче! – отрок смиренно склонил голову, а когда рас- прямился, его глаза вновь стали обычными – умными, пронизательными, волевыми, но и только.

Отец Меркурий перевёл взгляд на десятника. Тот смотрел на священника с уважением и вызовом одновременно. Было заметно, что он согласен с тем, что услышал, но имеет и собственное мнение. Сейчас десятник ждал, что же скажет священник в ответ на его слова. Отец Меркурий не замедлил удовлетворить его любопытство.

– Ты, сын мой, сказал, что Пилат предал, но не так, как Иуда, и в этом ты прав. Он действительно предал себя, свою совесть и честь. Не по совести осудить насмерть невинного и

противно чести бросить дело, не доведя его до конца. Пилат сделал и то и другое. В его власти было избавить Господа нашего от креста, но он убоился. Нет в таком деянии чести, а поступить против чести – предать себя!

Десятник Егор не успел ответить. Харитоша, о котором все забыли, вдруг решил подать голос.

– Как же так, батюшка, всё честью мерить? Ежели по чести поступаешь, так выходит и безгрешен вовсе? Отец Михаил сказывал – гордыня это, нужно смирение, а не воля.

– Ты невнимательно слушал наставления отца Михаила, сын мой! – разворачиваясь к обознику, отец Меркурий успел заметить, что оба воина крайне неодобрительно отнеслись к словам о смирении и воле. – Да и меня слушал без должного внимания. Вспомни, я говорил тебе, что испытания жизни следует переносить без ропота, с мужеством и достоинством, и в этом есть смирение. А что есть честь, как не мужество и достоинство? Ответь мне, сын мой?

– Так отец Михаил говаривал...

– Не клевети на почившего в бозе пастыря своего! Не мог священник учить тебя быть скотом бессловесным! Не пытайся оправдать свою леность мысли! Ты говоришь, что отец Михаил учил тебя, что нужно смирение, а не воля, так?

– Так, батюшка.

– Не ты первый, кто смирением считает униженность и забитость! Только смирение есть не самоуничтожение человеческой воли в потворстве злу и беззаконию, а просветление, свободное и сознательное подчинение её Истине. Смириться – значит жить с чистым сердцем! Не о воле человеческой говорил тебе отец Михаил – о гордыне, о воле дьявольской! А смирение есть противоядие от неё. Так следует понимать его слова. Воин поднимает меч и за други своя сам на смерть идёт! Пахарь в поте лица своего хлеб растит, зодчий красоту мира божьего неустанным трудом преумножает. Способен на это безвольный?! Способен скот бессловесный?!

– Н-нет, наверное... – По лицу обозника было件нятно, что он впервые задумался о таких вещах.

– Верно, не способен скот на такое. Подумай о моих словах, сын мой. Господь для того и дал нам разум.

Отец Меркурий по очереди обвел взглядом своих собеседников. В глазах десятника впервые с момента знакомства читалось уважение, а отрок смотрел задумчиво и изучающе. В позах, в движениях, даже во взглядах чувствовалось напряжение. Менее опытный взгляд не смог бы его заметить, но отставной хилиарх слишком хорошо знал это состояние натянутой внутри тебя тетивы:

*«Осёл! Они же ждут боя! Ты совсем потерял нюх в монастыре, если не понял этого сразу. Чудо, что твоя проповедь случайно совпала с их мыслями, иначе они вообще не услышали бы тебя. Твой поднадзорный вступил в разговор не потому, что его заинтересовала тема, а чтобы показать всем, что всё в порядке – командиры о высоком беседуют. Сколько раз ты сам проделывал этот трюк, чтобы солдаты раньше времени не маялись ненужными мыслями... Как там говорили: «Бегающий таксирх в мирное время вызывает смех, а на войне панику»? Здеишие командиры не дурнее, вот и работают на публику. Что ж, хватит тогда занимать их время, но дать им понять, почему я оборвал разговор, тоже не вредно. Значит, их всё же толкают на недостойное, а они решили противиться. Бог им в помощь, ну и я, грешный, что смогу – сделаю!»*

– Не стану вас более задерживать, дети мои, – отец Меркурий пристально посмотрел сначала на боярича, потом на десятника. – Ведомо мне, сколь много забот у воинского начальника в походе.

Выражение лиц воинов неуловимо изменилось, из него ушла особого рода озабоченность, которая бывает у людей, торопящихся закончить одно дело, чтобы приступить к новому,

более важному. Сотник и десятник, прощаясь, склонили головы, и тут священник сказал то, чего они не ожидали от него услышать.

– Верши что задумал, юный сотник, а ты, десятник, помогай бояричу во всём. Господь и правда на вашей стороне, дети мои! Благословляю вас на достойное дело! – отец Меркурий размашисто перекрестил склонившихся в поклоне воинов.

Михаил и Егор выпрямились. Священник оценил, насколько хорошо они владеют собой – много ли нужно времени поднять склонённую голову, но им хватило этого, чтобы справиться с собой. Лица боярича и десятника выражали лишь соответствующие моменту признательность и благочестие.

– Благодарствуем, отче! – молодой сотник оценивающе взглянул на отца Меркурия, а десятник Егор снова коротко поклонился.

– Идите с миром, дети мои!

Боярич с привычной лихостью опытного конника взлетел в седло, а Егор, видно контузия ещё давала о себе знать, вознёс себя на конскую спину с основательностью и достоинством. Утвердившись в седле, он нашёл взглядом глаза отца Меркурия, несколько долгих мгновений смотрел не отрываясь, а потом кивнул, признавая. Священник ответил таким же кивком, без слов приветствуя собрата по мечу.

## Глава 2

*Конец ноября 1125 г. Окрестности Ратного*

Остаток обеда прошёл в молчании. Ни отцу Меркурию, ни Харитоше разговаривать больше не хотелось. Каждый занялся своими мыслями. А вокруг кипела обычная для короткого привала суэта. Кто-то поудобнее перекладывал груз на санях, кто-то, как и они, доедал немудрящую походную еду, кто-то куда-то шёл, кто-то просто болтал с соседями, наслаждаясь тем, что монотонное однообразие дорожной жизни на время отступило. Но отец Меркурий не мог отделаться от ощущения, что на этот раз все происходит не так, как обычно. Сегодня над всей этой мирной и уже ставшей привычной за дорогу картиной, будто грозовая туча в летнем небе, нависло напряжение. Оно незримо растекалось над людьми, проникало в каждую щёлочку, в каждую пору тела. Даже лошади, казалось, как-то иначе, без прежнего энтузиазма, поглощали овёс из подвешенных к мордам торб. Отставной хилиарх нутром чуял – что-то будет.

Напряжение и впрямь висело в воздухе, вот только ощутить его мог лишь тот, кто, как отец Меркурий, привык ходить по грани между жизнью и смертью, и поэтому подмечающий мелкие, на первый взгляд незаметные детали. Ставший уже привычным походный порядок поменялся. Зачем-то перегнали скотину в голову колонны. Взрослые ратники во главе с десятником Егором заняли место передового дозора, а Младшая стража в полном составе оттянулась в хвост обоза. Отроки торопливо седлали заводных коней, проверяли оружие, ослабляли ремни щитов, чтобы мгновенно можно было перебросить их со спины на руку. Все это слишком походило на то, что Младшая стража готовилась к бою. Но с кем – на последнем коротком переходе до своего села? И в то же время за обоз – это тоже бросилось ему в глаза – никто как будто особо и не опасался, во всяком случае, видимых мер по его охране не предпринимали.

Впрочем, обозники поопытнее тоже не могли не заметить всех этих приготовлений. Отец Меркурий видел, что возницы, как бы невзначай, старались переложить поклажу так, чтобы она прикрывала спину, доставали из-под соломы кто тяжёлый боевой нож, кто топор, кто кистень и укладывали их так, чтобы оружие не бросалось в глаза, но находилось под рукой. Глядя на старших товарищей, зашевелились и те, кто помоложе. Но вопросов никто не задавал, и особо озабоченными люди не выглядели. Возможно, потому, что за время пути боярич Михаил и десятник Егор успели приучить всех к частым и внезапным учениям. Делалось это при полном одобрении хозяина обоза купца Никифора.

Отроки Младшей стражи по очереди то устраивали засады на обоз, то обороняли его, то под руководством егоровых ратников учились нападать на него в конном строю, то отбивать «захваченный» обоз, и так до бесконечности. Фантазия боярича, наставника Стерва, десятника Егора и его ратников не знала границ. Да и сам Никифор, его компаньон купец Григорий, ехавший вместе с женой навестить сына и племянника, обучавшихся в Академии, и сопровождавший их не то друг, не то родич воин Путята, боярин Фёдор и приказчик Никифора Осьма, спасаясь от дорожного однообразия, с удовольствием приняли участие в такой забаве и внесли свою лепту в общее дело. Доставалось во время этих учений всем, и если немногие ратнинские обозники относились к подобному времяпрепровождению с ворчливым пониманием, то работники Никифора поначалу попробовали лаяться.

Отец Меркурий не мог без улыбки вспоминать, как старшина Никифоровых возчиков, ражий детина огненно-рыжей масти, носящий звучную кличку Огузок, попытался оспорить приказ о проведении учения. Старшина ратнинских обозников – тот самый Илья, про которого с таким воодушевлением рассказывал Харитоша, по всей видимости, не внушал Огузку никакого уважения. Когда невысокий и хлипкий на вид Илья подошел к нему на привале, то

встретил только презрительную ухмылку. Впрочем, говорил старшина уверенно, и чувствовалось, что нисколько не сомневается в своем праве распоряжаться.

– Ты тут за старшего в обозе-то состоишь? – Илья деловито выставил вперед свою бороду, чуть не оперевшись ею в обширный живот своего собеседника. – Ну так тогда своих упреди, что боярич Михайла, сотник Младшей стражи повелел нынче учения провести. А потому не пугайтесь – на переходе наши отроки воинскому делу учиться станут – одни из засады на обоз как будто бы нападать, а другие оборонять его, значит. Учатся отроки наши всерьез и шутковать не приучены, а потому и нам нельзя ворон ловить. Убить до смерти не убьют, а огрести можете знатно – был у нас тут один случай... Хмм... Ну да, – перебил сам себя на полуслове Илья, хотя Меркурию показалось, что еще чуть-чуть, и тот сообразит с назидательного тона и начнет что-то рассказывать. – Где они засаду учинят – нам неведомо, так что смотрите в оба: по моей али боярича команде сани в круг, если дорога позволит, а сами за поклажу схоронитесь и снасть воинскую под рукой держите, будто и в самом деле тати насели. Сейчас я тебе всё в подробностях обскажу, чего делать надобно...

На этих словах Огузок возмущенно перебил Илью:

– Еще чего! Ежели тебе, дядя, с сопляками в игрушки играть не надоело, так играй, а нам недосуг! У нас дело торговое, а не дурь всякая, – упёр он совершенно по-бабски руки в боки, радуясь поводу утереть нос «лесовикам чумазым», о которых восхищённо гудел весь Туров. – Да и чего тут ты командовать взялся? Я не твоему бояричу служу, не ему подрыжался, а хозяину своему – купцу Никифору Палычу. Вот ежели он мне чего скажет, так я сделаю, а ты, дядя, с нами по одной дороге идёшь и только, и чего вы там вытворять – ворон смешить собрались, мне до лампы!

– Да, не зря тебя Огузком прозвали, как я погляжу, – усмехнулся в густую бороду не оробевший от такого напора Илья. – На чём сидишь – тем и думаешь. Ты куда едешь, понял? Нет? Ну так наши отроки-то засаду уже, поди устроили, и коли не желаешь, чтоб тебя и твоих обозников кнутами поучили, либо меня послушай по-хорошему, либо иди к хозяину, коль охота. Не пожалей только потом – я тебя упредил...

– Не твоя забота, дядя! – казалось, Огузок от сознания собственной значимости заулыбался даже тем местом, в честь которого получил своё звучное прозвище. – И пойду! Никифор Павлович – муж смысленный и враз на ваши игрушки укорот сыщёт!

– Лети, голубь! А я отсюда посмотрю, – хмыкнул ему вслед Илья.

Огузок, не утруждая себя больше разговором, с важным видом направился к саням, на которых ехал Никифор. Дойдя до места, он, не ломая шапки, нарочито громогласно обратился к купцу, как раз вылезшему из саней размять ноги:

– Что ж это делается, Никифор Палыч?! Лесовики чумазые, мало того что, как дети малые, в игрушки играть взялись, так и нам с ними ихней дурью маяться велят! Учиться они вздумали! Лошадей напугают, товар перепортят! – Рыжий возчик размахивал руками и орал так, что его слышал бы даже глухой.

– В чем дело, Огузок? – недовольно дёрнул щекой купец, однако рыжий скандалист, упиваясь всеобщим вниманием, не заметил столь явно выраженного недовольства собственного начальства.

– Так, Никифор Палыч, пришёл тут ко мне обозный старшина этих вот, – мотнул он головой куда-то в сторону, – и говорит, мол, одни сопляки сейчас обоз охранять учиться станут, а другие нападать на него, так что ты смотри мою команду слушай. Нет, каково, а? Из-под ёлки вылезли, а торговых людей с обозом ходить учить берутся! Ты им скажи, что недосуг нам, торговым людям...

Хрясь! Кулак купца без лишних слов впечатался в скулу рыжего возчика. Бить Никифор, несмотря на весь свой невоинственный облик, умел, ох умел, так что всё последующее Огузок воспринимал уже, сидя на заднице и часто хлопая глазами.

Рыжий скандалист не мог придумать худшего момента для того, чтобы показать характер. Сборный обоз скорее следовало называть сбродным. Приученные к воинской дисциплине тыловики Младшей стражи были вынуждены идти одной колонной с купеческой вольницей и наёмными возчиками, которых подрядили для перевозки семей плотников, строящих Михайлов Городок. Финальным штрихом, придающим законченность картине передвижного бардака, являлось стадо из двух десятков коров, примерно сотни овец и свиней да кудахтающие в клетках куры, с которыми наотрез отказались расставаться семьи плотников. Так что лица начальствующие – сам боярич, десятник Егор и купцы по степени душевного спокойствия легко могли дать фору цепным кобелям.

Никифор меж тем, отведя душу и начав воспитательную работу делом, продолжил её словесно:

– Ты кого сопляками и лесовиками чумазыми назвал? Княжих воинов? Людей боярина Корнея Агеича Лисовина – родича моего? – тихий, почти ласковый голос невероятным образом долетел до всех.

– Ыы... аааа... – попытался что-то ответить Огузок.

– Значит, сыновьям моим да сыну и племяннику товарища моего – купца Григория учиться у них обозы водить не зазорно, а тебе поперёк горла? Или ты, голубок, не слыхал, как эти сопляки ляхов побили, князя пленили, княгиню с детьми из заточения вызволили? А коли и не слыхал, опарыш, так кто тебе, закупу, дал право хозяина твоего перед покупщиками<sup>25</sup> да перед родней позорить? Кто тебе право дал на княжих воинов да на боярский род Лисовинов хулу возводить? Игрушки! Да не будь тех игрушек, не побили бы отроки ляхов и остального не свершили бы! – Купец недобро усмехнулся, пнул сапогом копошащегося у его ног в грязном снегу Огузка и уже будничным голосом закончил: – Значит, так: за поношение отдашь обозному старшине Илье Фомичу пять кун и за язык длинный вира на тебе десять кун. Да моли Бога за то, что дешёво отделался! Иди работай, а будешь ещё язык распускать, я тебя сам пришибу!

– Во, так его! – одобрил боярин Фёдор.

– Не мягковато ты с ним, Никифор? – усмехнулся в бороду купец Григорий, – Гляжу, совсем оборзел рыжий.

– Ладно, что я не додал – ты добавишь, – махнул рукой Никифор, – поважнее его дела есть. Ты займись им, Григорий, возчик-то он хороший, а норов обламывать надо. Ты у нас по сухому пути товар возить дока, так что тебе Огузка и объезжать.

– Сделаю, Никифор.

После такой науки Огузка будто подменили – старшине ратнинского обоза он только что в ноги не кланялся. Вот и сейчас любо-дорого было посмотреть, как Огузок рысью подбежал к Илье, сдёрнув с головы шапку, выслушал его указания и ещё быстрее бросился передавать их своим возчикам.

– Собираться надо, батюшка, – сказал Харитоша, провожая взглядом рысющего мимо них Огузка.

– Верно, только сначала помолимся, сын мой, – поднялся с саней отец Меркурий.

Молитва не заняла много времени. Пока Харитоша взнуздывал кобылу, отставной хилиарх прибрал остатки трапезы и восстановил своё дорожное ложе. Примерно тем же занимались и возле других саней. Быстро, но без спешки объединённый обоз подготовился к выступлению. Ждали только команды.

– Харитоша, поди-ка сюда! – раздался вдруг от головных саней голос обозного старшины Младшей стражи.

– Иду, Илья! – возница отца Меркурия, недоумённо пожав плечами, покосолапил на зов, пробурчав под нос что-то весьма похожее на «делать Илюхе нечего».

<sup>25</sup> Покупщик (др. – рус.) – покупатель, деловой партнёр.

И тут белка, о которой все забыли, разрядила повисшее над обозом напряжение и отвлекла внимание Меркурия от Ильи с Харитошей. Видимо, устав ждать, когда наглые и шумные двуногие уберутся из её леса к своей двуногой матери, пушистая бестия решила действовать. Она неожиданно прыгнула и, вытянувшись в воздухе в струнку, в отчаянном броске полетела прямо в гущу людей и лошадей. Немного не долетев до саней Огузка, белка приземлилась, подняв небольшое облачко снежной пыли. До спасительной и такой заманчивой чащи леса на другой стороне оставалось совсем чуть, но дорогу ей загораживали те самые Огузковы сани. Это обстоятельство, впрочем, совершенно не смутило маленькую путешественницу – не теряя времени даром, она в два скачка преодолела расстояние, отделявшее её от досадного препятствия, и, игнорируя дёрнувшуюся от такой наглости лошадь, вскочила прямо на сани, а оттуда птицей взлетела на ближайшую ель. Полёт белки сопровождал дружный хохот обозников и яростный вой Огузка: во время отчаянного рейда отважного зверька ни одно животное, включая напугавшуюся резкого движения лошадь, не пострадало, но вот её зазевавшийся хозяин получил в морду оглоблей от своей собственной коняги. К живой радости зрителей он еще долго матерно излагал своё мнение о несправедливом устройстве вселенной. Пушистая нахалка, устроившая весь этот переполох, тем временем с удобством уселась на усыпанной шишками ветке и радостно трещала, наслаждаясь результатом своей каверзы.

За учиненным белкой переполохом никто не обратил внимания на разговор Ильи и Харитоши, а улыбку, блуждавшую по лицу обозника, вернувшегося к саням по окончании этой беседы, отец Меркурий списал на мстительную радость возницы, оттого что нелюбимый всеми Огузок попал в глупейшее положение.

Рыжему обознику впрямь досталось – хуже не придумаешь: торец оглобли попал Огузку прямо в лоб. Вскоре оба его глаза заплыли чёрно-лиловыми синяками, как у очковой змеи, о которой рассказывали когда-то юному стратиоту Макарию арабские купцы. Да и шипел он не хуже.

*«Не повезло рыжему, хотя это как сказать! Сейчас судьба наказала его за лень и наглость довольно мягко. Обозники могли приласкать и покрепче – слишком уж его невзлюбили, и, надо заметить, поделом. Это ж надо настроить против себя всех! И куриной задницей просто так не назовут...»*

– Трогай! – пресёк всеобщее веселье голос Ильи. Смех разом утих, и обоз под крики возчиков, понукающих лошадей, и скрип снега под полозьями саней двинулся в сторону Ратного. Лес медленно пополз назад. Постепенно дорожная скука вновь вступила в свои права. Вот и отец Меркурий привычно оказался в плену воспоминаний.

Память возвращала отставного хилиарха то в детство, то в ряды «Жаворонков», то домой, то в монастырь, на роковое для него поле битвы при Поливоте... Много лет отставной хилиарх гнал от себя эти воспоминания. Они мешали на монашеской стезе, да и просто тяжело было даже в мыслях снова оказаться на том поле, где накануне победы окончательно оборвалась его прежняя жизнь. Только вид закованных в воинское железо мальчишек, которые смотрели на мир сквозь маски шлемов недетским взглядом готовящихся к бою воинов, властно вернул отца Меркурия в то жаркое лето.

Перед мысленным взором проносились картины того страшного боя. Он видел «Жаворонков», видел стройную линию щитов с буквами «Х» и «Р»<sup>26</sup>, видел накатывающийся на строй вал варварской атаки, гибель товарищей, переговоры, собственное ранение, ад лазарета и то, что было после него.

*«Да, старина, выздоравливал ты тогда тяжело. Недели пути в бреду и лихорадке на тряской повозке – то ещё удовольствие! Правда, иногда становилось легче. Не умирать и не выздоравливать – мерзкое состояние. Помнится, всё наше сборище калек здорово приобод-*

<sup>26</sup> «Хи» и «Ро» – начальные буквы слов «Христос Пантократор». Отличительный знак византийской армии.



рила весть о Филомелионе. Тогда казалась, что ублюдкам конец. Не вышло. По итогам войны империя получила только Дорилей<sup>27</sup> с округой. Получается, что мы погибали почти что зря.

От этого можно было тронуться умом. Не ври себе, Меркурий, ты бы и тронулся, если бы не Ослиный Член! На твоё счастье, остаткам «Жаворонков» поручили прикрывать обоз с ранеными, да и «Волчат» со «Сладкими девочками» тоже отправили домой. Толку от нас в войске всё равно уже не было. Только прикрывать обозы от мародёров. Вот поэтому свежее испечённый кентарх Пётр мог столько времени проводить с тобой. Он-то тебя и спас. Не дай Бог, на его месте оказался бы какой-нибудь душеспаситель-непротивленец, который попрекнул бы тебя пролитой кровью! От тебя остался бы тогда только маленький холмик на обочине дороги с крестом из обломков копий... Ладно, хорошо то, что хорошо кончается».

Дорога неспешно стелилась под копыта обоза. Отец Меркурий стряхнул с себя воспоминания и огляделся. Лес медленно проплывал мимо. Это вообще была лесная страна. Для отставного солдата стало шоком осознание того, что значит для местных жителей этот бескрайний зелёный океан. В империи он не видел ничего подобного. Тамошние леса были какими-то домашними и никогда не вызывали того трепета, который он испытывал сейчас.

«Да, лес здесь альфа и омега! Никогда не видел ничего подобного! Неудивительно, что скифы превосходят все народы в работе с деревом! Как же иначе, если оно вокруг них от рождения до могилы! Но ведь лес здесь не просто множество деревьев. Недаром все здесь говорят «лес», как будто это одно огромное живое существо с трудно постижимым и невероятно сложным сознанием и языком. Даже я сейчас готов в это поверить! Неудивительно, что здешние жители верят во всех этих леших, кикимор, русалок и прочих демонов... Хотя кто знает, может, они и на самом деле существуют? Дьявол силен, а в этой зелёной бездне может скрываться кто угодно. Здешние леса похожи на жизнь, в них так же, как в жизни, причудливо сплетены добро и зло. Да для здешних людей лес и есть жизнь! И если я хочу понимать их, я должен у них же научиться понимать лес! Ну не могли эти непредставимые мной ранее массы живого не сформировать характер выросших в их окружении людей! Как нас, ромеев, создало море, так скифов – лес!»

Полозья саней переехали несколько не успевших замёрзнуть коровьих лепёшек. Отец Меркурий усмехнулся, глядя на эту картину. В самом деле, контраст сияющего белизной снега и благоухающего навоза забавлял. Непослушная мысль сразу взяла картину в оборот:

«Занятно, ни с чём не сравнимая чистота свежего снега и дерьмо. Две крайности мира. А сам мир посередине. Только неверно думать, что наша Вселенная состоит из смеси этих субстанций. Она куда сложнее...»

Вот сейчас меня стойко преследует ощущение того, что, как любил говаривать Ослиный Член, дерьмо грядёт. Слишком много странностей. Отроки готовятся к бою, скотину, которой сам Бог велел болтаться в хвосте обоза, перегнали вперёд, Михаил и декарх Егор натянуты как тетива. Перед учением так не бывает! Что-то будет, и я должен понять что».

Священник ещё раз огляделся. Младшая стража сжалась в плотную колонну в хвосте растянувшегося обоза. Щиты взяты на руку, гастафеты<sup>28</sup> взведены, но болты не наложены. Коноводы держали заводных коней товарищей. Мальчишек больше не было, за личинами и бармицами исчезли лица, глаза, веснушки, юношеские прыщи – всё, что отличало парней друг от друга, всё, что делало их людьми, пропало, скрылось за железом доспеха.

«Солдаты, зубы дракона из языческих легенд, дети Ареса... Однако, брат Меркурий, ты не находишь, что сравнение не очень-то подходит для монаха? Только вот другое в голову не приходит. Поразительно, как каска меняет человека... Помнишь, как мальцом ты до дрожи

---

<sup>27</sup> Дорилей – город в Малой Азии.

<sup>28</sup> Гастафет – «брюшной лук», греческое название самострела.

*испугался, когда отец надел шлем и застегнул бармицу? Ты тогда ещё закричал: «Сними, сними это!» Немудрено, только что перед тобой стоял отец – самый сильный и надёжный человек на свете, и вдруг его не стало, а на его месте оказалось закованное в железо чудовище без лица. Даже глаза, такие добрые и лучистые в обычное время, превратились в два копейных острия. Потом ты сам осознал, как смотрится со стороны строй гоплитов – стена одинаковых щитов и касок, а в щели между ними – горящие боевым огнём глаза, как провалы прямоком в ад. Неудивительно, что у иных варваров штаны были мокры от мочи. Вот и эти мальчишки уже познали таинство превращения из людей в боевые машины, отречения от себя, от всего светлого и доброго в себе. Иначе нельзя, иначе смерть. Остаться должен только обузданный зверь, готовый убивать с холодной головой и не задумываясь пожертвовать собой, чтобы прикрыть такого же зверя, стоящего рядом в строю. Человек вернётся потом, когда бой закончится. Всё правильно, вот только не рано ли им? Раньше мне не приходилось видеть столь юных воинов...»*

А снег всё скрипел и скрипел под полозьями... Мысли, мысли, куда деться от них? Слишком часто берут они власть над тварной оболочкой, в которую заключены. Отставной хилиарх снова философствовал, хотя ему было, в общем-то, не до философии. Хватало и насущных вопросов. Священник ехал к незнакомым людям, и не в гости. Отцу Меркурию предстояло стать духовным пастырем воинов народа, кровь которого текла и в его жилах, вот только духовной связи с этими людьми старый солдат не чувствовал. Пока.

Любой разумный человек в такой ситуации скорее размышлял бы о том, как вести себя, как тебя примут, как завоевать уважение своей будущей паствы. С кем стоит иметь дело, а с кем нет. Кто есть кто на новом месте. Да и о том, где предстоит жить и что есть, задуматься тоже было бы не вредно. Есть тысячи мелочей, дел, делиц и делишек, встающих перед каждым человеком, обустраивающимся на новом месте. Особенно если этот человек – власть. Но мысли сами выбирали, как им течь.

*«Странно, но при всех внешних различиях мы очень похожи. Дело не в крови, хоть я и скиф по матери, я не чувствую себя частью этого народа, может быть, пока не чувствую. Да и осознают ли сами скифы, что являются одним народом?»*

*Так что же объединяет этих мальчишек, декарха Егора, его людей, Михаила и меня? Братство меча? Взаимное уважение воина к воину? Отчасти. Турки ведь тоже были воинами, и хорошими, надо сказать, но к ним я не чувствовал такого уважения. Мы уважали мужество и воинское умение варваров, но не их самих. Вера? Пожалуй, тоже нет, я знал много куда более истовых христиан, которые не стоили даже ослиного навоза, и вера не мешала мне сражаться со скифами, а им со мной. Быть может, я скрещивал оружие с теми, кого теперь буду наставлять в вере. Да ведь и сейчас скрещу, призови меня базилевс каким-то чудом под знамёна прямо из этих саней. Присягают один раз. Я присягнул империи!*

*Значит, не вера и не кровь... А может? Точно! Старый осёл, ты не заметил того, что лежит у тебя прямо под носом! На каждом из них печать долга! Вечного и неизбежного. Не просто верности воздью, характерной для всех варваров, а служения чему-то высшему и непреходящему. Мученики долга, солдаты в душе, хоть они и не похожи на тех, кого в империи принято называть акритом – солдатом. Я вижу по глазам, что даже самые юные из них осознают, что есть вещи важнее их собственной жизни и есть люди более родные, чем собственные родители. А еще есть нечто, способное заставить пойти против и того и другого. Вот это «нечто» и есть долг.*

*Откуда я это знаю? Да знаю – и всё! Сердцем чувствую! Никодим научил. Это же он принес мне свиток без начала и конца и сказал: «Прочти, друг мой, это про тебя!» Я тогда ещё плохо знал латынь и здорово помучался с переводом. Простое письмо домой, написанное когда-то патрикием из Старого Рима, но в нём были стихи, даже не стихи – песня. Именно тогда я понял, что империя и в самом деле вечна. Меняются языки, меняется даже вера, но*

империя остаётся. Я понял, что солдаты, жившие во времена Спасителя, были такими же, как я сам.

*Пусть я погиб под Ахероном,  
Пусть кровь моя досталась псам,  
Орел шестого легиона  
Все так же рвется к небесам.*

*Все так же горд он и беспечен,  
Все так же он неукротим;  
Пусть век солдата быстротечен,  
Но вечен Рим, но вечен Рим<sup>29</sup>.*

Разве не такими были Фео, тот мальчик-знаменосец, Ослиный Член, кентархи Дамиан и Ипатий, лохаг Архип, все мы: гоплиты, стрелки, скириты и катафракты, что вышли тогда на поле близ Поливота? «Пусть кровь моя досталась псам», главное – что стоит империя. Вот и для этих воинов, и зрелых, и юных, для обозников даже, есть главное, которое превьшие не только жизни, но и чести. Мученики, которые мучениками себя не осознают, не гордятся своей ношей, не выставляют её напоказ, как многие, на кого я насмотрелся в монастыре. Для этих же нести свой крест, своё предназначение – всё равно что дышать. Не могут они иначе, и я не могу, как не мог Фео, не может Вуриц, который из-за этого и угодил в опалу...

Вот оно! Вот что связывает нас! Теперь бы только понять, что для них это главное. Их Ратное? Может быть и так. Старый Рим начинался как деревушка бродяг и разбойников, а из него выросла империя – хоть грубое и несовершенно, но отражение Царства Божьего на земле. Понимают ли они это? Михаил, похоже, понимает. Недаром он основал свою Академию, да и то, что он говорил о власти и долге властителя... Нет, о Михаиле надо будет подумать отдельно. Остальные, наверное, не понимают, да и я сам раньше не понимал – чувствовал. Вот и они, похоже, чувствуют...

Но что они чувствуют? Одной любви к отечеству мало, для любого человека естественно любить родину, но одним патриотизмом империи не создаются. У строителей империи должна быть цель. У империи должна быть цель. И не просто ограбить чужих в пользу своих, нет! На этом и погорел Старый Рим, и это подтачивает Рим Второй. Нужно что-то высокое, вечное и неизбывное, что-то на все времена! А в Ратном это есть. Вон даже Харитоша говорит: «Нас сюда Ярослав Мудрый послал веру нести». И это обозник, который едва-едва может написать своё имя!

Неужели я нашёл что искал? Свежую кровь империи? Или я нашёл большее – зародыши того, чему суждено придти на смену падающему Старому Риму? Неужели на смену империи Западной придёт империя Северная, связанная с моей многострадальной Родиной общей верой, общим делом и общими интересами? Неужели Господь показывает мне путь к спасению отечества, да такой, какого я и измыслить не мог? Господи, правда ли это? Неужели Ты наградил меня служением? Создатель, Ты читаешь в душе моей, я не ищу ничего для себя, но как же я хочу стоять у истоков такого дела! Неужели Ты избираешь меня, старого солдата и неважного монаха, своим орудием в построении Царства Твоего?

Стой, Макарий, стой! Попридержи коней! Уж больно ты разогнался! Вот так в грех гордыни и впадают. Возомнил себя чуть ли не Константином Великим. Сначала добейся уважения своей паствы, сумей стать необходимым для них, сделай так, чтобы они слушали тебя. Только и этого мало. Мало стать своим для них, надо чтобы они стали своими для

---

<sup>29</sup> К сожалению, мне так и не удалось установить автора этой песни. Знаю только, что родилась она в недрах истфака МГУ.

*меня! Может, и не стоило терзаться, что я остался в душе солдатом? Что если вот такой дерьмовый монах здесь и нужен?»*

\* \* \*

Отец Меркурий ненадолго вынырнул из омута мыслей. Снег по-прежнему скрипел, а заснеженный лес медленно проплывал мимо. За долгую дорогу от Турова такая картина стала уже привычной. Отставной хилиарх пошебуршился, устраиваясь поудобнее, перекинулся с возницей несколькими ничего не значащими словами и снова углубился в воспоминания.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.